ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2016
XXV

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК

1333

EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Издаётся с 1992 года

Том XXV

Экспресс-выпуск • Express-issue

2016 № 1333

СОДЕРЖАНИЕ

3279-3284 Из жизни городских серых ворон *Corvus cornix* и сорок *Pica pica*. Д. Н. НАНКИНОВ

3284-3286 Обыкновенный козодой *Caprimulgus europaeus* на Западном Алтае. Б. В. ЩЕРБАКОВ

3286-3295 Исторические аспекты и тематическая направленность орнитологических исследований полезащитных лесных полос России и Украины. М. В. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

3296-3303 Обыкновенная зеленушка *Chloris chloris* – гнездящийся вид Верхнего Приангарья. Ю. И. МЕЛЬНИКОВ

3303-3305 Гнездовые колонии чаек на островах озера Балхаш и меры по их охране. В. А. ГРАЧЁВ

3305-3311 Новые материалы по распространению домового *Passer domesticus* и полевого *Passer montanus* воробьёв на севере Камчатского края. Е. Г. ЛОБКОВ

3311-3317 Особенности населения птиц ельников верхней части бореально-лесного пояса Буреинского заповедника. М. Ф. БИСЕРОВ, Е. А. МЕДВЕДЕВА

3317-3322 Жёлчная *Emberiza bruniceps* и черноголовая *E. melanocephala* овсянки в Богдинско-Баскунчакском заповеднике. В. П. БЕЛИК

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

© Русский орнитологический журнал, 2016
Дата опубликования: 27 августа 2016

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXV
Express-issue

2016 № 1333

CONTENTS

3279-3284 From the life of urban hooded crows *Corvus cornix* and magpies *Pica pica*. D. N. NANKINOV

3284-3286 The European nightjar *Caprimulgus europaeus* in West Altai. B. V. SHCHERBAKOV

3286-3295 Historical aspects and thematic focus of ornithological studies of forest shelter belts in Russia and Ukraine. M. V. DOBROVOLSKY

3296-3303 The European greenfinch *Chloris chloris* – the nesting species of the Upper Angara region. Yu. I. MEL'NIKOV

3303-3305 Nesting colonies of gulls on the islands of Lake Balkhash and measures for their protection. V. A. GRACHEV

3305-3311 The new materials for the distribution of the house *Passer domesticus* and tree *Passer montanus* sparrows in the northern Kamchatka region. E. G. LOBKOV

3311-3317 Features of the bird population of spruce forests in the upper part of boreal forest belt in Bureya reserve. M. F. BISEROV, E. A. MEDVEDEVA

3317-3322 The red-headed *Emberiza bruniceps* and black-headed *E. melanocephala* bunting in the Bogdo-Baskunchak Nature Reserve. V. P. BELIK

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2016

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск **1333**: 3279-3284*

Из жизни городских серых ворон *Corvus cornix* и сорок *Pica pica*

Д.Н.Нанкинов

Димитр Николов Нанкинов. Болгарский орнитологический центр. Болгарская Академия наук, бульвар Царя Освободителя, д. 1, София – 1000, Болгария. E-mail: d.nankinov@abv.bg

Поступила в редакцию 25 августа 2016

За птицами города Софии я наблюдаю уже более 40 лет., им я посвятил одну монографию (Нанкинов1982) и множество статей. Не раз становился свидетелем изменения численности некоторых видов птиц, исследовал их гнездование, миграции, зимовки и ночёвки. Очень хорошо знаю этапы синантропизации серой вороны *Corvus cornix* и сороки *Pica pica* (Нанкинов 1981), их проникновение в город, появление первых гнёзд и увеличение численности обоих видов. Однако не перестаю удивляться поведенческим реакциям и хищничеству этих птиц.

10 ноября 2014 в жилом квартале Люлин города Софии в 14 ч я стал невольным свидетелем того, как две серые вороны и три сороки вместе преследовали городского голубя *Columba livia* var. *domestica*. Активнее всего его атаковала одна из серых ворон, а другая ворона и сороки «подстраховывали» её, мешая голубю лететь вперёд и возвращая его обратно. Во время преследования серая ворона постоянно клевала голубя, он падал на землю и снова взлетал. Борьба продолжалась около 10 мин, в результате чего голубь окончательно упал на землю, а серая ворона тут же стала долбить его клювом. Действие происходило на зелёном газоне. Когда по дорожке в 5 м от места события прошли люди, ворона отлетела немного в сторону и голубь попытался снова взлететь. Обе вороны и сороки бросились за ним, вернули его обратно, голубь снова был сбит на землю и ворона опять принялась долбить его голову, пока голубь не перестал шевелиться. Всё это время другая ворона и сороки сидели на ветках рядом растущих деревьев и наблюдали за происходящим. В чердачных помещениях соседних многоэтажек живёт около 80 голубей, но как раз тогда их не было на месте. В это время года по утрам городские голуби совершают кормовые перелёты на окрестные поля и возвращаются обычно к концу дня.

Голову убитого голубя сначала клевала «главная» серая ворона, а после неё там же кормилась только одна из сорок. Другая ворона и остальные сороки вообще не приближались к убитому голубю. Всё это продолжалось не более 40 мин, после чего вороны и сороки оставили труп и улетели. Когда я подошёл к месту происшествия, то заметил, что тело голубя не было тронуто, а был разбит только его череп. Ворона

и сорока выели мозг и глаза голубя и бросили его. В последующие дни вороны и сороки больше не интересовались убитым ими голубем.

Такого агрессивного поведения и хищничества серых ворон и сорок раньше наблюдать мне не приходилось. В последние десятилетия город сильно загрязнён бытовыми отбросами – в мусорных баках, на газонах, улицах и площадях достаточно много пищевых отбросов, которыми кормятся серые вороны, сороки, городские голуби, домовые воробьи *Passer domesticus*, полевые воробьи *Passer montanus* и некоторые другие виды птиц. Было бы логично полагать, что при таком обилии корма вороны и сороки не стали бы заниматься разбоем. Возможно, поэтому они и склевали только глаза и мозг убитого ими голубя. Подобное случалось также в начале марта и 20 марта 2015, когда вороны и сороки так же сообща убивали городских голубей.

До 1970-х годов серые вороны и сороки в основном обитали в окрестностях Софии, где зимой собирались на свалках, полях, возле животноводческих ферм и предприятиях пищевой промышленности, а также возле незамерзающих водоёмов. Тогда в желудках добытых птиц находили зёрна кукурузы, пшеницы, ячменя, сорных трав, а также насекомых, иногда попадалось немного падали (Петков 1936; Дончев 1958). В центре города первые гнёзда серых ворон появились только весной 1973 года. Размножающиеся в то время в городской черте пары серых ворон и сорок собирали корм в основном на окраинах города, иногда охотились в колониях серых полёвок *Microtus arvalis*, но также разоряли гнёзда кольчатой горлицы *Streptopelia decaocto*, тогда ещё многочисленной, и чёрного дрозда *Turdus merula*. Лишь однажды ворона пыталась поймать летящего домового воробья, но отпустила его.

Об агрессивности ныне многочисленных софийских сорок мы уже сообщали. Они мешали созданию новых городских колоний и успешному размножению грачей *Corvus frugilegus*. В первой половине мая, когда проходят кочёвки недавно вылетевших выводков больших синиц *Parus major* и лазоревок *Parus caeruleus*, сороки переключались на охоту за слётками этих синиц. Сороки бесшумно передвигались или затаивались в кронах деревьев и резким ударом клюва убивали появляющихся рядом молодых синиц (Нанкинов 2014). Кроме того, осенью, по окончании послегнездовых кочёвок, сороки обыскивали щели и ниши стен домов и кормились разными видами насекомых, пауков, сохранившимися в старых воробьиных гнёздах тухлыми яйцами, мёртвыми птенцами, поедали запасы пищи и трупы мышевидных грызунов, возможно, они ловят летучих мышей, воруют еду с балконов, иногда проникая через открытые окна на кухни (Нанкинов 2013).

Прекрасно о хищничестве серых ворон написал В.Е.Флинт (1987). В литературе также имеется множество других сообщений о нападении сорок и серых ворон на городских голубей, утят, зимородков *Alcedo*

atthis, чёрных стрижей *Apus apus*, вяхирей *Columba palumbus*, вальдшнепов *Scolopax rusticola*, зайчат, на гнездовых птенцов полевого луня *Circus cyaneus;* вороны даже напали и убили ястреба-тетеревятника *Accipiter gentilis* (Иванов 1959; Виноградов, Реуцкий 1980; Метелев 1985; Савинич 1999; Березовиков 2005, 2014; Рязанов, Егорова 2005; Нумеров, Бардин 2013; Стефанов 2016; и мн. др.). В Москве на чердаке одной из школ, где гнездились сизые голуби, всё лето 1974 года серые вороны таскали в клюве голубиные яйца и птенцов, а 20 сентября ворона, спикировав над сидевшими на крыше голубями, внезапно схватила одного из них когтями и стала бить его клювом по голове. К вечеру на крыше от голубя остались только перья, лапки и клюв. Такие же случаи повторились 22 и 24 сентября (Лобачев, Лобачев 1975). В Казахстане (Метелев 1986), в период перевода утят между озёрами Тениз и Каракамыш, вороны караулят с утра до вечера, сидя на столбах и проводах, ловят и вытаскивают утят буквально из-под утки. И.Шитюк (1991) наблюдал, как «две вороны ... пикировали по очереди и атаковали змею: хватали её клювом в 10-15 см от конца хвоста и старались поднять её в воздух. Та пыталась укусить противника. В такой момент ворона бросала змею. Когда та падала, пикировала вторая ворона и, что удивительно, хватала змею за то же самое место. Змеиный хвост уже превратился в кровавое кольцо; разбойники знали, что скоро оторвётся – и будет им хорошая закуска...».

Серые вороны, сороки, галки *Corvus monedula* и скворцы *Sturnus vulgaris* являются главной помехой проникновению в Болгарию некоторых чужих для Европы видов птиц, как, например, попугая Крамера *Psittacula krameri* (Нанкинов, 2006).

В.Костюченко (1995) подробно описывает, как серая ворона «выпрашивала» еду у людей, ждавших автобус на московской остановке «Измайловский парк»: «ворона смело подходила к самым ногам человека, который что-то ел, и начинала попрошайничать. Она громко щёлкала клювом, издавала шипящие звуки и, если не получала чего-нибудь съестного, подпрыгивала, как бы нападая. Получив же кусочек, она быстро съедала его и направлялась к следующему жующему человеку, при этом она совершенно не обращала внимание на тех, кто читал газету или книгу… Выбрав очередного владельца съестного (на этот раз молодого человека), она стала настойчиво „выпрашивать" кусочек. Но мужчина быстро жевал чебурек и не обращал на птицу никакого внимания. Ворона вышла из себя. От злости она шипела, громко каркала и грозно наступала на молодого человека. Но мужчина доел чебурек и повернулся, чтобы уйти. В этот момент ворона со змеиным шипением прыгнула к самым его ногам и, ухватив клювом полу брюк, с силой рванула. Мужчина оторопел и, не сразу сообразив, в чем дело, замахал на ворону руками и затопал ногами. Но ворона не испугалась,

она спокойно направилась на поиски очередного обладателя чебурека или пирога».

В последние десятилетия, обычно в конце сентября, октябре, ноябре и даже до 20-х чисел декабря мы наблюдали, как серые вороны и сороки в Софии срывают с деревьев или подбирают упавшие на землю грецкие орехи *Junglans regia*, затем несут их к городским перекрёсткам или на улицы с интенсивным автомобильным движением и бросают под колёса городского транспорта. А после того, как скорлупа будет разбита, они подбирают и съедают содержимое орехов. Некоторые серые вороны для этого даже кладут орехи на трамвайные рельсы. Подобное поведение ворон неоднократно отмечали в южной части Европейской России, Германии, Польше, Чехии и других европейских странах. С конца сентября и весь октябрь серые вороны, грачи и сороки играют заметную роль в распространении плодов грецкого ореха.

Мы неоднократно наблюдали, как городские серые вороны держали в клюве и размачивали в лужах твёрдые корочки хлеба, съедали размякшую часть, потом переворачивали корочку и опускали в лужу другой, твёрдый конец. Таким образом они расклёвывали и потом съедали всю засохшую корочку хлеба.

Корм из воды (обычно мелкую рыбу) вороны добывали двумя способами: с «зависанием» во время поискового полёта или выхватывая корм из воды во время своеобразного «ныряния», иногда с полным погружением в воду. В одном случае вороны хватают добычу клювом, в другом – лапами (Рязанов 2007а). Этот же автор (Рязанов 2007б) наблюдал, как серая ворона использовала кормовой метод, известный как «топанье» при охоте на дождевых червей: примерно 10 с ворона переваливалась с ноги на ногу, затем стала зондировать клювом дернину и вытаскивать оттуда дождевых червей. Предполагается, что всё это – «индивидуальная, проявившаяся в определённое время манера кормового поведения отдельных особей». Известно, что «топанье», или «шлёпанье» ногами во время поиска дождевых червей – это метод охоты, широко распространённый среди околоводных и водоплавающих птиц и очень характерный для вальдшнепа *Scolopax rusticola* (Фокин, Зверев 2003). Серые вороны используют также небольшие палочки в качестве орудия, с помощью которого разбивают яйца в гнёздах домового воробья, находящихся в нише стен, и выпивают их содержимое (Калякин 2007).

В литературе конца XIX века имеется сообщение о сообразительности чёрной вороны *Corvus corone corone*, обитающей в Англии (Х-евъ 1900). Ворона оставляла корм (куски мяса) рядом с сеткой вольера, в котором жили пуховые цыплята. Ворона пряталась поблизости, и когда цыплята пытались достать корм, она нападала на них и убивала ударом клюва, а затем отрывала им головы. Таким образом ворона

уничтожила большую часть (30 из 50) обитающих в вольере цыплят. В охотничий сезон нередко можно наблюдать, как стаи серых ворон нападают на собаку, преследующую раненную ворону.

Ещё в студенческие годы, во время наблюдений за птицами парка Биологического института Ленинградского университета в Старом Петергофе, нами были установлены случаи каннибализма как одного из возможных механизмов регуляции численности врановых птиц (Нанкинов 1970). Исследования А.С.Родимцева (1997) показали, что каннибализм отчётливо проявляется у серой вороны, грача и сороки. Существует неразрывная связь факторов внешней среды и внутрипопуляционных факторов, влияющих на возникновение и протекание каннибализма у массовых видов врановых. При дефиците мест для гнездования в антропогенных ландшафтах существуют территории с высокой гнездовой плотностью отдельных видов. При оптимальных погодных условиях проявление хищничества и каннибализма снижено благодаря имеющимся кормовым ресурсам, прямо связанным с деятельностью человека. В случае экстремальных погодных ситуаций кормовые условия ухудшаются, что ведёт к недокорму птенцов, дезориентации их поведения, а также поведения родителей. Вероятно, у взрослых птиц проявляются стрессовые реакции, ведущие к росту агрессивности и непредсказуемости поведения. В результате усиливается внутривидовое хищничество и каннибализм, происходит расклёвывание своих яиц, выбрасывание птенцов, возникают другие аномалии поведения.

Литература

Березовиков Н.Н. 2005. Случаи проявления хищничества у сороки *Pica pica* на Алтае // *Рус. орнитол. журн.* **14** (293): 627-628.

Березовиков Н.Н. 2014. Успешное нападение сороки *Pica pica* на больного сизого голубя *Columba livia:* новое свидетельство проявления хищничества // *Рус. орнитол. журн.* **23** (965): 379-382.

Величко Е. 1979. Ястребиные повадки серых разбойниц // *Охота и охот. хоз-во* 4: 31.

Виноградов В., Реуцкий Н.1980. Хищничество вороны в дельте Волги // *Охота и охотн. х-во* 12: 10-11.

Дончев С.1958. Материали върху систематиката, екологията и биологията на врановите птици (Corvidae) в България // *Изв. на Зоол. ин-т на БАН* 7: 269-313.

Иванов А. 1959. Хищница ли сорока? // *Охота и охот. хоз-во* 11: 21.

Калякин М.В. 2007. Серая ворона *Corvus cornix* использует орудие // *Рус. орнитол. журн.* **16** (356): 580-581.

Казаринов В. 1959. Сороки – хищницы // *Охота и охот. хоз-во* 1: 60.

Костюченко В. 1995. Мстительная ворона // *Охота и охот. хоз-во* 9: 45.

Лобачёв С., Лобачёв В. 1975. Хищничество ворон // *Охота и охот. хоз-во* 3: 47.

Метелев С. 1986. Уничтожайте ворон // *Охота и охот. хоз-во* 4: 30.

Нанкинов Д.Н. 1970. Каннибализм как фактор, регулирующий численность врановых птиц // *Материалы студ. конф. «Проблемы регуляции в живой природе».* Л.: 160.

Нанкинов Д. 1981. Стадии в урбанизацията и синантропизацията на българските птици // *Орнитол. информ. бюл.* **10**: 9-29.

Нанкинов Д. 1982. Птиците на град София // *Орнитол. информ. бюл.* **12**: 1-386.

Нанкинов Д. 2006. *Чуждите видове птици в Европа*. София: 1-148.
Нанкинов Д.Н. 2013. Осенние поиски пищи сороками *Pica pica* на стенах домов // *Рус. орнитол. журн.* **22** (947): 3334-3337.
Нанкинов Д.Н. 2014. Трудное зарождение колонии грачей *Corvus frugilegus* в Софии // *Рус. орнитол. журн.* **23** (1031): 2395-2400.
Нумеров А.Д., Бардин А.В. 2013. О хищническом поведении серой вороны *Corvus cornix* // *Рус. орнитол. журн.* **22** (942): 3173-3181.
Петков П. 1936. Бележки върху стомашното съдържание на врановите в Софийско и отношението им към гората // *Ловец* **36**: 1-7.
Резанов А.Г. 2007а. Добывание серой вороной *Corvus cornix* корма из воды // *Рус. орнитол. журн.* **16** (352): 460-461.
Резанов А.Г. 2007б. Серая ворона *Corvus cornix* использует «топанье» для добывания дождевых червей // *Рус. орнитол. журн.* **16** (366): 896-898.
Резанов А.Г., Егорова А.К. 2005. Серая ворона *Corvus cornix* атакует чёрного стрижа *Apus apus* в воздухе // *Рус. орнитол. журн.* **14** (293): 628-629.
Родимцев А.С. 1997. Проявление внутривидового хищничества и каннибализма у врановых в гнездовой период // *Рус. орнитол. журн.* **6** (14): 3-10.
Романов С.1958. Заяц и ворона // *Охота и охот. хоз-во* 1: 62.
Савинич И.Б. 1999. Убийство серыми воронами *Corvus cornix* ястреба-тетеревятника *Accipiter gentilis* // *Рус. орнитол. журн.* **8** (69): 8-9.
Стефанов Ю. 2016. О хищничестве серой вороны *Corvus cornix* и сороки *Pica pica* // *Рус. орнитол. журн.* **25** (1275): 1417-1418.
Флинт В.1987. Воронья напасть // *Охота и охот. хоз-во* 11: 12-14.
Фокин С., Зверев П. 2003. *Вальдшнеп и охота на него*. М.: 1-350.
Х-евъ 1900. Съобразителността на враната // *Ловец* **6**, 5: 5.
Шитюк И. 1991. Серая ворона – тоже охотник // *Охота и охот. хоз-во* 7: 43.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск **1333**: 3284-3286*

Обыкновенный козодой *Caprimulgus europaeus* на Западном Алтае

Б.В.Щербаков

Борис Васильевич Щербаков. Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник, ул. Головкова, д. 29, Усть-Каменогорск, 492024, Казахстан

Поступила в редакцию 25 августа 2016

Козодой *Caprimulgus europaeus zarudnyi* Hartert, 1912 – гнездящийся и пролётный вид западной части Алтая в правобережной части Иртыша в междуречье Убы, Ульбы и Бухтармы (Сушкин 1938; Кузьмина 1948; Корелов 1970). Обычен по речным долинам пояса степных предгорий и значительно реже встречается по остепнённым и каменистым склонам гор этого пояса. Очень редко и спорадически встречаются поселения козодоя в лесном поясе на высоте не выше 1000 м над

уровнем моря. Гнездовые биотопы козодоя – небольшие песчано-каменистые участки и прогалины лесистых и остепнённых пойм или же склоны холмов, покрытые скудной лугостепной растительностью.

Прилетают козодои поздно, когда на деревьях распускается листва. Появляются гораздо позже таких поздно прилетающих птиц, как кукушка *Cuculus canorus*, иволга *Oriolus oriolus* и чечевица *Carpodacus erythrinus*. Пролёт проходит незаметно. Регистрируются, как правило, лишь случайно поднятые днём птицы, чаще о присутствии козодоев можно судить лишь по голосам, которые слышатся по тёплым вечерам. Передовые особи у посёлка Октябрьский отмечены 18 мая 1964, у села Предгорное на Иртыше – 21 мая 1974, у Усть-Каменогорска – 23 мая 1979, в Громатушинском ущелье у Лениногорска – 26 мая 1970. Усиленное токование самцов в сумерках и ночью наблюдалось в середине мая в северных предгорья Калбы у села Азово. По Иртышу, выше устья Убы, голоса козодоев слышали 27 и 29 июня 1968, в долине Малой Ульбы – 29 июля 1966 и в окрестностях Усть-Каменогорска – 17 июля 1955.

Гнездование начинается в начале июня. Яйцо козодоя найдено 8 июня 1969 на Комсомольском острове Иртыша в Усть-Каменогорске. Размеры его 32×44 мм, масса 8.1 г. Кладка из 2 насиженных яиц обнаружена 28 июня 1963 в пойме Малой Ульбы у Горной Ульбинки (Корелов 1970). Здесь же 8 июля 1967 нами найдена кладка с 2 насиженными яйцами и гнездо с только что вылупившимися птенцами. Кладку из 2 яиц я также нашёл 25 июля 1971 в долине Убы у лесопилки выше села Верх-Уба. Яйца лежали на тропе среди разбросанных щепок. Размеры их: 32×23 и 32×21 мм, масса – 6.6 и 7.2 г. Они оказались сильно насиженными. Здесь же на острове Убы среди галечника, окружённого ивняками, был поднят линный козодой, у которого часть рулевых перьев была выпавшей, другая часть недоросшей до нормальной длины. Ночное токование козодоев мы слышали в пойме Убы у села Убинское 30 июня 1974. У добытого самца семенники были размером 13×8 и 14×9 мм и имели бледно-жёлтый цвет.

В период послегнездовых кочёвок молодые козодои добывались 6 августа 1970, 10 августа 1966 и 19 августа 1955 в западных отрогах Ульбинских гор, примыкающих к Усть-Каменогорску. Наиболее поздняя встреча козодоя здесь же зарегистрирована 4 октября 1966.

Молодой козодой, которого я содержал дома с августа 1969 года в течение более 6 месяцев, каждый раз с наступлением сумерек, а иногда и днём издавал серию приглушённых звуков, сходных с квохтаньем: *«кох-кох-кых-кых-кух-кух»* и т.п. В солнечные дни он выбирался из угла и принимал солнечные ванны. При этом он поднимал покровные перья, медленно раскачиваясь и переступая с ноги на ногу, постепенно ложился и расправлял крыло. Некоторое время он лежал с полуза-

крытыми глазами сначала на одном, потом на другом боку. Все эти месяцы он часто и охотно купался.

Литература

Корелов М.Н. 1970. Обыкновенный козодой // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **3**: 23-33.
Кузьмина М.А. 1948. Материалы по авифауне предгорий Западного Алтая // *Изв. АН КазССР*. Сер. зоол. **7**: 84-84-106.
Сушкин П.П. 1938. *Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии*. М.; Л.:, **1**: 1-320.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск **1333**: 3286-3295*

Исторические аспекты и тематическая направленность орнитологических исследований полезащитных лесных полос России и Украины

М.В.Добровольский

Максим Владимирович Добровольский. Запорожский национальный университет, ул. Жуковского, д. 66, Запорожье, Украина. E-mail: mvdobrovolsky@ukr.net

Поступила в редакцию 25 июля 2016

В настоящее время идёт дискуссия о целесообразности и перспективности создания лесных полос как неотъемлемого элемента агроландшафта. Традиционно считается, что лесополосы оказывают положительное влияние на почвенные условия и валовую урожайность сельскохозяйственных культур, произрастающих в окружении последних (Высоцкий 1960; и мн. др.). Птицы, как один их наиболее подвижных элементов этих экосистем, могут служить хорошим индикатором состояния лесных полос. Птицы, населяющие искусственные древесные насаждения, оказывают определённое влияние и на прилегающие сельскохозяйственные посевы. Данный аспект часто упускается исследователями из виду, хотя он и имеет большое значение (Забашта 2001; Кузьменко 2010; Листопадский 2011).

Целью настоящей работы было установить, опираясь на литературные источники, степень изученности орнитофауны лесных полос в России и Украине, определить её географические особенности и тематическую направленность. Степной юг Украины и России является хорошим полигоном для исследований в области истории сельскохозяйственной биологии и в частности орнитологии.

Следует оговорить, что наша работа не претендует на охват всей имеющейся литературы по данному вопросу и её анализ, а лишь от-

ражает общие тенденции в истории орнитологических исследований искусственных лесов европейской части бывшего СССР.

Известно, что первыми лесоводами-практиками в засушливых степях Европы были немецкие колонисты. Впоследствии их опыт стал широко применяться на практике и получил научную основу (Букштынов 1998; Ерусалимский 2010; Листопадский 2015). Уже в начале XX века были созданы специальные научные экспедиции для всестороннего изучения лесорастительных условий в степной зоне (Бельгард 1971). Несмотря на давность изучения этого вопроса, он актуален и в настоящее время, что связано с нестабильностью почвенно-климатических условий в современной среде, отражающихся, в частности, на антагонистических взаимоотношениях степных и лесных экосистем. Известно, что наиболее подвижной составляющей наземных экологических систем являются птицы – теплокровные высокоорганизованные животные. Поэтому именно они наиболее быстро реагируют на изменения окружающей среды.

Одним из первых, кто обратил внимание на орнитофауну полезащитных лесных полос, был А.Н.Мельниченко (1938). Но лишь со второй половины XX века орнитологи стали неотъемлемыми участниками комплексного изучения лесных полос (Волчанецкий 1940,1950, 1952, 1954,1968; Будниченко 1955, 1965; Губкин 1975, 1978; Булахов 1980). Как замечает М.А.Листопадский (2010, 2015), орнитологические исследования лесных полос велись наиболее интенсивно в первые годы их массовых посадок. Затем интерес орнитологов к ним значительно угас, что повлекло за собой образование «белого пятна» в этом разделе орнитологии. Лишь в начале XXI века в связи с повсеместной деградацией лесных полос эта тематика снова приобрела актуальность (Белик 2009; Листопадский 2011а, 2014а; Сухолозов 2012).

Материалы и методы исследования

Материалом для данной работы послужили научные публикации по орнитологии, картографические материалы и исторические документы, содержащие сведения о состоянии природных лесов аридной зоны бывшего СССР.

Исторические аспекты

В географическом срезе данные исследования можно разделить по административному, ландшафтному и биоценотическому принципам.

В административном аспекте наибольшее количество научных трудов, посвящённых орнитофауне лесов засушливых регионов, приурочено к юго-востоку Украины (Акімов 1938; Волчанецкий 1940; Кошелев 2005; Листопадский 2006). В России наиболее изученными являются Ростовская область (Белик 1985), Ставропольский край (Ильюх 2014), Волгоградская (Сухолозов 2012) и Оренбургская (Степанкина, Гавлюк 2009) области. Несмотря на повышенный интерес зоологов к

Крыму, опубликовано немного работ об авифауне лесных полос центральной и северной частей полуострова (Цвелых 2006 Листопадский 2016). В отношении ландшафтов данный аспект научных изысканий наиболее характерен для бассейнов крупных рек черноморского и каспийского бассейнов, прорезающих степную и полупустынную зоны. Особенно хорошо изучена орнитофауна лесов бассейна Днепра (Вальх 1911; Петров 1954; Стаховский 1960; Губкин 1975), Дона (Белик 1985, 2000), Волги (Мальчевский 1947, 1957; Осмоловская 1950; Захарова 1999).

Следует обратить внимание на то, что именно лесные полосы, по сравнению с другими лесами степной зоны, являются самыми бедными с точки зрения орнитофауны (Белик 2000). Очевидно, по этой причине они менее всего и привлекают орнитологов. Наибольшее внимание исследователи уделяли пойменным лесам, растущим вдоль русел степных рек. Они считались ценными как противоэрозионные и рекреационные угодья, а также как места остановки птиц во время миграций (Кошелев 2005; Чернецов, Булюк, Ктиторов 2010) Плакорные «островные» леса изучались менее тщательно. Как правило, это были нагорные и байрачные (балочные) леса. Они имеют незначительную площадь и довольно фрагментированы. Несмотря на свою незначительную площадь, они образуют существенные по своей протяжённости экотоны, где формируются специфические сообщества птиц (Волчанецкий 1950; Листопадский 2006, 2007; Кузьменко 2010). Завершающим «звеном» являются искусственные лесные насаждения – самые бедные с точки зрения разнообразия птиц (Волчанецкий, Медведев 1950; Булахов 1980; Листопадський 2012). Наиболее распространённой формой данных насаждений являются лесные полосы, выполняющие агромелиоративное значение. Несмотря на их орнитологическую бедность, целый ряд исследователей подчёркивает их крайнюю важность в формировании современной орнитофауны агроландшафтов (Забашта 2001а; Кузьменко 2010; Сухолозов 2012; Гавриленко, Листопадський 2009; Листопадский 2013).

Одна из первых работ, посвящённых анализу птичьего населения лесных полос, была статья М.П.Акимова (1934). Затем выходит работа по лесным полосам Заволжья (Мельниченко 1938). После цикла исследований И.Б.Волчанецкого, посвящённых преобразованию орнитофауны юга Украины под воздействием молодых лесопосадок, данная тематика становится чуть ли не основной в советском орнитологическом научном сообществе. Пик интенсивности изучения вопроса заселения птицами новых лесных экосистем приурочен к 1950-1960-м годам. Тогда вышло наибольшее количество (более 150) публикаций на эту тему. Созывались специальные научные конференции, где обсуждались достижения в создании сети искусственных лесов. Наибольший

вклад в развитие этих исследований внёс И.Б.Волчанецкий с коллегами, изучавшими природные и искусственные леса Украины, России, Молдавии и других регионов Советского Союза. После цикла экспедиций по ещё молодым посадкам он повторил полевые исследования лесных полос в годы, когда кроны деревьев уже сомкнулись и лесополосы стали представлять целостную систему защитных насаждений (Волчанецкий, Лисецкий 1968). Вопросы экологии птиц (в основном питание и биотопическую приуроченность) тогда наиболее подробно изучал А.С. Будниченко (1965).

С окончанием масштабных мероприятий по посадке лесных полос в СССР изучение их орнитофауны приостановилось. Начиная с 1970-х годов эти работы носили эпизодический характер и не отражали целостной ситуации. В конце XX века интерес большинства орнитологов был обращён на другие вопросы. Однако в первом десятилетии XXI века вновь стали появляться публикации, описывающие орнитофауну искусственных лесных массивов и лесополос (Кошелев 2005; Белик 2009; Степанкина, Гавлюк 2009; Гавриленко, Листопадський 2009; Сухолозов 2012; Листопадский 2014а,б). В последние годы наиболее изученными стали лесные полосы юга Украины (Листопадский 2011а, 2013, 2014а,б), Поволжья (Сухолозов 2012), Заволжья (Захарова 1999; Сухолозов 2012а), Оренбуржья (Степанкина, Гавлюк 2009).

Тематическая направленность

На Украине в середине XX века наиболее изученным в аспекте орнитофауны лесополос был юг Украины. Этими вопросами занимались научные коллективы Института зоологии УССР (Таращук 1953), Харьковского университета под руководством И.Б.Волчанецкого (1950, 1954 и др.) и зоологи Днепропетровского университета во главе с В.Л.Булаховым (1980). Были изучены первые этапы вселения птиц в лесные насаждения, роль естественных природных лесов в расселении птиц, а также типологические особенности формирования орнитокомплексов. Изучена функциональная роль некоторых видов птиц в лесных экосистемах: их питание, гнездостроение, особенности размещения гнёзд, паразиты и т.д. (Апостолов, Булахов, Губкин 1969; Апостолов, Булахов, Романеев 1975; Атемасова 2010). В последние годы преобладают работы, посвящённые в основном биоценологии птиц искусственных лесов юга Украины. Уже изучены особенности влияния освещённости, почвенного увлажнения, типа древостоя, роли водопоев, искусственного орошения лесополос, а также ряд теоретических проблем, связанных с формированием фауны птиц искусственных лесных насаждений и толкованием некоторых терминов (Кошелев 2005; Кузьменко 2010; Кошелев, Пересадько, Кошелев 2011; Гавриленко, Листопадський 2012; Листопадский 2011б, 2014, 2014б, 2014в, 2015).

В Крыму общие орнитофаунистические исследования искусственных лесов, в числе прочих, проводились Ю.В.Костиным (1983) и вместе с другими материалами вошли в сводку «Птицы Крыма» (1983). Лишь в последние десятилетия достаточно стабильно изучались собственно лесные массивы и сады полуострова (Цвелых 2006). В работах даётся анализ видовой структуры гнездящихся сообществ, для некоторых видов рассмотрена подвидовая структура и пути расселения на полуостров. Птицам лесополос посвящено сравнительно небольшое число работ (Листопадский 2014а, 2016). В частности, рассмотрено влияние усыхания лесных посадок на населения птиц.

В России наиболее изученными в данном аспекте являются лесные полосы в Низовьях Волги и Дона – регионах, где широко проводилось степное лесоразведение (Ерусалимский 2010). Довольно изученными в орнитологическом плане являются лесные массивы Ставропольского края, некоторые регионы Северного Кавказа, Заволжья и Оренбургской области. Изучение птиц лесных полос, расположенных в зоне смешанных и хвойных лесов в центральных районах страны, не относятся к вопросу степного лесоведения, однако имеют определённый интерес с точки зрения истории орнитологических исследований. Отдельную группу исследований составляют работы по птицам искусственных насаждений полупустынь и пустынь. Традиционно здесь изучали локальные экологические адаптации птиц во время гнездования и миграций (Яблонкевич, Шаповал, Дольник 1985; Чернецов, Булюк и др. 2010). Кроме того, проведены исследования птиц лесных полос в ряде регионов Средней Азии и Казахстана. Весьма незначительное внимание уделено птицам лесных полос в Воронежской, Белгородской и Тульской областях. Несмотря на значительное покрытие этих регионов полезащитными лесными полосами, их орнитофауна изучена недостаточно. Даже в последние годы, несмотря на большое число исследований, лесополосы привлекают немногих исследователей.

Несмотря на давнюю историю лесоразведения в России, птиц искусственных насаждений начали изучать лишь в начале XX века. Первые работы носили в основном описательный характер (Мельниченко 1938; Мальчевский 1947, 1950; Спангенберг 1949; Осмоловская 1950). В публикациях указывалось расположение молодых посадок, тогда ещё не формирующих полноценную сеть насаждений, и приводился список гнездящихся видов. Реже отражалась пролётная орнитофауна, формирование видовых группировок в связи с ростом деревьев (Волчанецкий, Лисецкий 1968). Начиная с 1960-х изучали роль естественных лесов на вселение лесных видов птиц в лесные массивы и лесополосы в степи. Достаточно полно были изучены биоценотические аспекты формирования фауны в зависимости от условий освещённости, возраста насаждений, их площади. Значительный вклад в описание био-

ценологических особенностей формирования фауны искусственных лесов сделали орнитологи Днепропетровского университета. Они изучили типологические характеристики, которые, по их мнению, определяли основные процессы формирования сообществ птиц в искусственных лесах юго-востока Украины. Особенностью исследований, проводимых на юге России, стало изучение популяционных параметров птиц с давностью существования искусственных насаждений (Белик 2009). Указанный автор изучил влияние северокавказских популяций на заселение искусственных лесов Северного Кавказа и Придонья и их взаимодействия с представителями европейской лесной орнитофауны, а также провёл анализ процесса вселения ряда лесных видов птиц в пустыни Казахстана (Белик 1997). На основе многолетних наблюдений и литературных данных он обобщил данные о формировании фауногенетической структуры всей орнитофауны Палеарктики, одним из главных компонентов которой были птицы дендрофильного комплекса (Белик 2006). Позднее были изучены вопросы влияния птиц лесополос на агроценозы (Листопадський 2007) и их функциональная роль (Забашта 2001, 2001а).

Последней вехой на данном этапе являются исследования отдельных вопросов аутекологии видов, заселивших лесные полосы (Сухолозов 2012а; Листопадский 2014г; Листопадский, Гофман 2014), а также вопросов, связанных с определением критично минимальных островных лесных экосистем для заселения их птицами (Захарова 1999) и оценки взаимодействия орнитофауны лесных полос с прилегающими биотопами (Листопадский 2011).

Анализ орнитологических работ показывает значительное разнообразие видового состава и численности птиц, населяющих лесополосы. Прежде всего, как пишет А.С.Мальчевский (1947, 1957) это обусловлено их географическим расположением. Однако, вопреки изложенной ранее гипотезе, М.А.Листопадский считает, что экологическая пластичность птиц заселивших лесные полосы настолько велика, что их исходные популяции имеют значение лишь на ранних стадиях формирования фауны (Листопадский 2013, 2014; Listopadsky, 2013, 2014). Предполагается, что отдельно взятые типологические условия и их комбинации, формирующие экологическую нишу, являются ведущими факторами в формировании современной фауны птиц лесных полос. Основываясь на этом, этот исследователь приводит количественные параметры скорости расселения птиц по степному югу Украины.

Очевидно, что формирование фауны птиц в современных лесных полосах зависит от большого числа факторов. Их непосредственное наличие, степень влияния и время действия часто упускается из виду, или, в лучшем случае, оценивается глазомерно, что не даёт возможности сопоставить литературные данные. Данная проблема является на

наш взгляд, основной на пути к восстановлению комплексного изучения орнитофауны лесных полос в пределах бывшего Советского Союза, на территории которого происходило глобальное преобразование природы в середине XX века.

Заключение

Первые орнитологические работы по фауне птиц полезащитных лесных полос приурочены к бассейнам крупных степных рек, таких как Днепр, Дон и Волга. История изучения птиц лесных полос имеет почти столетнюю историю. Пик изучения птиц лесополос приходится на 1950-1960-е года. Значительной проблемой в современном изучении орнитофауны лесополос следует считать применение разных методических подходов. Если на заре изучения птиц лесополос исследователей объединяла некоторая общая идея, то сейчас, когда каждый сам выбирает спектр научных изысканий, данные по птицам лесных полос анализировать довольно сложно, а порой и невозможно. Разная тематическая и, соответственно, методическая направленность современных исследований в области изучения птиц искусственных лесных насаждений не даёт возможности широких, в географическом смысле, обобщений. Учитывая разнонаправленность векторов в землепользовании различных регионов Восточной Европы, современное состояние лесных полос приобрело куда большее разнообразие, чем во времена их плановой высадки и ухода. В связи с этим считаем, что целесообразно проводить исследования, основанные на одних и тех же методических алгоритмах.

Литература

Акімов М.П. 1938. Аналіз орнітонаселення штучних степових лісонасаджень // *Наукові записки ДДУ: зб. робіт біологічного ф-ту* **9**, 2: 35-48.

Апостолов Л.Г., Булахов В.Л., Губкин А.А. 1969. Зависимость питания некоторых птиц от типологических особенностей леса в условиях юго-восточной Украины // *Орнитология в СССР*. Ашхабад: 25-28.

Апостолов Л.Г., Булахов В.Л., Романеев Н.С. 1975. Характеристика сезонной трофической роли массовых видов дуплогнездников в условиях лесных биогеоценозов присамарья // *Вопросы степного лесоведения и охраны природы* **5**: 167-178.

Атемасова Т.А. 2010. *Орнитофауна как структурный элемент биогеоценозов Северовостока Украины*. Автореф. дис. … канд. биол. наук. Днепропетровск: 1-27.

Белик В.П. 1985. Некоторые особенности населения птиц искусственных степных лесонасаждений Нижнего Дона и Предкавказья // *Орнитология* **20**: 96-103.

Белик В.П. 1997. Проникновение северных дендрофильных видов птиц вглубь пустынь Казахстана // *Беркут* **6**, 1/2: 19-22.

Белик В.П. 2000. *Птицы степного Придонья: формирование, антропогенная трансформация и вопросы охраны*. Ростов-на-Дону: 1-376.

Белик В.П. 2006. Фауногенетическая структура авифауны Палеарктики // *Зоол. журн.* **85**, 3: 298-316.

Белик В.П. 2009. *Птицы искусственных лесов степного Предкавказья: состав и формирование орнитофауны в засушливых условиях*. Кривой Рог: 1-216.

Бельгард А.Л. 1971. *Степное лесоведение*. М.: 1-336.

Будниченко А.С. 1955. О составе фауны и хозяйственном значении птиц в полезащитных лесонасаждениях // *Зоол. журн*. **34**, 5: 1128-1144.

Будниченко А.С. 1965. *Птицы искусственных лесонасаждений степного ландшафта и их питание. Эколого-географическая характеристика авифауны*. Дис. … докт. биол. наук. Тамбов: 1-293 (рукопись).

Букштынов А.Д. 1998. О полезащитном лесоразведении в России // *Лесное хоз-во* **5**: 22-23.

Булахов В.Л. 1980. *Фауна позвоночных животных как структурный компонент лесных биогеоценозов степной зоны Украины*. Автореф. дис. … докт. биол. наук. Днепропетровск: 1-49.

Вальх Б.С. 1911. Материалы для орнитологии Екатеринославской губернии. Перечень птиц, найденных в губернии с 1892 по 1910 г. // *Орнитол. вестн*. 3/4: 240-271.

Волчанецкий И.Б. 1940. Основные черты формирования фауны агролесомолоративных насаждений степной полосы Украины // *Тр. Науч.-исслед. зоол.-биол. ин-та Харьков. ун-та* **8/9**: 5-46.

Волчанецкий И.Б. 1950. Птицы опушек лиственных лесов Харьковской и Сумской области // *Тр Науч.-исслед. зоол.-биол. ин-та Харьков. ун-та* **14/15**: 193-223.

Волчанецкий И.Б. 1952. О формировании фауны птиц и млекопитающих молодых полезащитных полос в засушливых районах левобережной Украины // *Тр Науч.-исслед. зоол.-биол. ин-та Харьков. ун-та* **16**: 7-25.

Волчанецкий И.Б. 1954. О формировании фауны птиц в херсонских степях // *Тр. НИИ биол. и биол. ф-та Харьков ун-та* **20**: 22-33.

Волчанецкий И.Б., Лисецкий А.С. 1968. Формирование фауны птиц полезащитных полос и насаждённых массивов на Левобережье Украины за период с 1936 по 1966 год // *Биологическая наука в университетах и педагогических институтах Украины за 50 лет*. Харьков: 168-171.

Волчанецкий И.Б., Медведев С.И. 1950. К вопросу о формировании фауны полезащитных полос // *Тр. НИИ биол. Харьков. ун-та* **14/15**: 7-31.

Высоцкий Г.Н. 1960. *Избранные труды*. М.: 1-432.

Гавриленко В.С., Листопадський М.А. 2009. Сучасний стан дендрофільної орнітофауни лісосмуг Біосферного заповідника «Асканія-Нова» // *Проблеми фундаментальної і прикладної екології, екологічної геології та раціонального природокористування*. Кривий Ріг: 378-380.

Гавриленко В.С., Листопадський М.А. 2012. Дендрофільна орнітофауна: питання термінології та екологічної класифікації (на прикладі орнітофауни Біосферного заповідника «Асканія-Нова») // *Екологія та ноосферологія* **23**, 3/4: 72-82.

Губкин А.А. 1975. Гнездящаяся орнитофауна лесных насаждений Днепропетровщины, её распределение и относительная численность // *Вопросы степного лесоведения, биоценологии и охраны природы* **9**: 68-74.

Губкин А.А. 1975. К вопросу формирования орнитофауны лесных насаждений юго-востока Украины // *Вопросы степного лесоведения и охраны природы* **5**: 229-233.

Ерусалимский В.И. 2010. Лесоразведение в степи (планы, реализация, исторические параллели) // *Лесное хоз-во* 1: 14-16.

Забашта А.В. 2001. Динамика годового потока энергии, проходящего через орнитоценоз искусственного лесного массива Предкавказья // *Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии*. Казань: 238-239.

Забашта А.В. 2001а. Массовые зимовки птиц в лесополевом ландшафте западного Предкавказья // *Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии*. Казань: 240-241.

Захарова Н.Ю. 1999. *Население птиц лесных микрофрагментов Восточно-Европейской лесостепи*. Дис. … канд. биол. наук. М.: 1-121 (рукопись).

Ильюх М.П. 2014. О гнездовании осоеда *Pernis apivorus* в лесополосах Терских песков Ставрополья // *Рус. орнитол. журн*. **23** (1011): 1831-1838.

Костин Ю.В. 1983. *Птицы Крыма*. М.: 1-240.
Кошелев А.И. 2005. Орнитокомплексы искусственных лесов Северного Приазовья: формирование, динамика и вклад в поддержание биоразнообразия региона // *Біорізноманіття та роль зооценозу в природних і антропогених екосистемах: ІІІ міжнар. наук. конф*. Дніпропетровськ: 422-425.
Кошелев А.И. Пересадько Л.В., Кошелев В.А., Аюбова Е.М. 2011. Видовой состав птиц на искусственных водопоях в лесах Северного Приазовья и привлекательность водопоев в периоды засухи // *VII Міжнародна науково-практична Інтернет-конф*. Мелітополь: URL: http://conference.mdpu.org.ua/viewtopic.php?p=1418.
Кузьменко Т.М., Кузьменко Ю.В. 2010. Гніздова орнітофауна лісосмуг Лівобережного Лісостепу // *Бранта* **13**: 121-134.
Листопадский М.А. 2010. Дендрофильная орнитофауна лесополевых биоценозов биосферного заповедника «Аскания-Нова» // *Орнитология в Северной Евразии*. Оренбург: 191.
Листопадский М.А. 2011а. Фауногенез птиц дендрофильного комплекса и его зависимость от структурного разнообразия лесополос (на примере биосферного заповедника Аскания-Нова) // *Современные проблемы зоологии позвоночных и паразитологии: материалы 3-й междунар. науч. конф*. Воронеж: 190-194.
Листопадский М.А. 2013. Ретроспектива и скорость инвазибельности сообществ дендрофильных видов птиц в заповеднике «Аскания-Нова» // *Сохранение степных и полупустынных экосистем Евразии*. Алматы: 42.
Листопадский М.А. 2014. Коэволюционные атрибуты формирования сообществ дендрофильных птиц в биосферном заповеднике «Аскания-Нова» // *Современные проблемы биологической эволюции*. М.: 363-366.
Листопадский М.А. 2014а. Птицы дубовых лесных полос биосферного заповедника «Аскания-Нова» и Присивашья: биоценотические аспекты структурогенеза // *Биоразнообразие и устойчивое развитие*. Симферополь: 190-193.
Листопадский М.А. 2014г. Сплюшка *Otus scops* в заповеднике «Аскания-Нова» // *Рус. орнитол. журн*. **23** (1008): 1746-1748.
Листопадский М.А. 2015. Каких птиц считать дендрофильными? // *Орнитология в Северной Евразии*. Алматы: 299-300.
Листопадский М.А. 2016. Птицы лесополос Крымского Присивашья: на пути к созданию новых ООПТ // *Заповедники Крыма – 2016: биологическое и ландшафтное разнообразие, охрана и управление: Материалы 8-й международ. науч.-практ. конф*. Симферополь: 318-320.
Листопадский М.А., Гофман О. П. 2014. Балобан в биосферном заповеднике «Аскания-Нова», Украина // *Пернатые хищники и их охрана* **28**: 89-91.
Листопадський М.А. 2006. Біоморфічний склад птахів байрачних узлісь Присамар'я та прилеглих агроценозів // *Екологія та ноосферологія* **17**, 3/4: 80-85.
Листопадський М.А. 2007. Про річні зміни в орнітофауні агроекосистем під впливом байрачних дібров // *Біологія XXI століття: теорія, практика, викладання: міжнар. конф*. Київ: 225-226.
Листопадський М.А. 2011. Бістаціальність дендрофільних видів птахів як прояв міжбіоценотичного зв'язку «лісосмуга-степ» // *Біорізноманіття та роль тварин в екосистемах: мат. VI між нар. наук. конф*. Дніпропетровськ: 294-296.
Листопадський М.А. 2011б. До питання щодо принципів екологічної класифікації населення птахів (на прикладі видів дендрофільного комплексу) // *Экология птиц: виды, сообщества, взаимосвязи посвящённая 150-летию со дня рождения Н.Н.Сомова (1861-1923)*. Харьков: 316-323.
Листопадський М.А. 2012. До питань формування сучасної структури орнітоценозів деревних насаджень Біосферного заповідника «Асканія-Нова» // *Вісник Запорізького ун-ту* 3: 120-140.
Листопадський М.А. 2014б. Роль світлової структури деревостанів Біосферного запо-

відника «Асканія-Нова» у формуванні дендрофільної орнітофауни в репродуктивний період // *Вісник Дніпропетровського державного аграрно-економічного університету* **33**, 1: 46-50.

Листопадський М.А. 2014в. Зволоження, як фактор структурної організації населення птахів деревних насаджень Біосферного заповідника «Асканія-Нова» // *Біол. вісник Мелітопольського державного педагогічного університету імені Богдана Хмельницького* 1: 73-100.

Листопадський М.А. 2015а. Історія та сучасний стан лісосмуг Біосферного заповідника «Аскания-Нова» // *Біол. Вісник Мелітопольського державного педагогічного університету імені Богдана Хмельницького* 1: 156-210.

Мальчевский А.С. (1947) 2012. Причины концентрации позвоночных животных в полезащитных полосах // *Рус. орнитол. журн.* **21** (804): 2514-2526.

Мальчевский А.С. (1950) 2009. Гнездование птиц в лесных полосах Заволжья // *Рус. орнитол. журн.* **18** (463): 207-225.

Мальчевский А.С. 1957. Роль птиц в полезащитных полосах Заволжья // *Вестн. Ленинград. ун-та* 4: 28-39.

Мельниченко А.Н. 1938. Птицы лесных защитных полос степного Заволжья и Приволжья и их хозяйственное значение // *Учён. зап. Куйбышев. пед. и учитель. ин-тов* **1**: 3-38.

Осмоловская В.И. 1950. Роль птиц в уничтожении насекомых-вредителей лесных посадок Сталинградской области // *Зоол. журн.* **29**, 3: 233-443.

Петров В.С. 1954. К орнитофауне поймы нижнего Днепра // *Тр. НИИ биол. и биол. ф-та Харьков ун-та* **20**: 105-130.

Спангенберг Е.П. 1949. *Птицы полезащитных насаждений*. М.: 1-95.

Стаховский В.В. 1960. О птицах искусственных лесонасаждений юго-востока УССР // *Искусственные леса степной зоны Украины*. Харьков: 369-382.

Степанкина В.Ю., Гавлюк Э.В. 2009. Видовой состав и биоценотические связи птиц лесных полос и агроценозов Степного Приуралья // *Вестн. ОГУ* 6: 357-361.

Сухолозов Е.А. 2012. Птицы искусственных насаждений Волгоградской области в гнездовой период // *Биология – наука XXI века: 16-я междунар. пущинская школа-конф. молодых учёных*. Пущино: 382-383.

Сухолозов Е.А. 2012а. Чернолобый сорокопут и кобчик в фрагментах древесных насаждений полупустынного Заволжья // *Изв. Самар. НЦ РАН* **14**, 1: 172-176.

Таращук В.И. 1953. *Птицы полезащитных насаждений степной зоны УССР и возможности использования их для борьбы с вредителями*. Киев: 1-124.

Цвелых А.Н. 2006. Элементы орнитофауны горного Крыма в островных искусственных лесных массивах Керченского полуострова // *Вестн. зоол.* **40**, 3: 241-248.

Чернецов Н.С., Булюк, В.Н., Ктиторов П.С. 2010. Роль Джаныбекского оазиса как места миграционных остановок дендрофильных видов воробьиных птиц // *Поволжский экол. журн.* 2: 204-216.

Яблонкевич М.Л., Шаповал, А.П., Дольник В.Р. 1985. Водные и энергетические ресурсы воробьиных птиц, мигрирующих осенью через пустыни Средней Азии // *Зоол. журн.* **64**, 6: 877-888.

Listopadsky M.A. 2013. Alien birds' species in the Biosphere reserve «Askania-Nova»: biocenotic aspects of invasion // *Invasion of alien species in Holarctic: The IV International Symposium*. Borok: 102.

Listopadsky M.A. 2014. Vertical dynamics of topical priorities is adaptive strategy of colonization of forest birds in the artificial forest of the southern steppe zone of Ukraine // *Adaptation Strategies of Living Systems*. Novy Svet: 20-21.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск **1333**: 3296-3303*

Обыкновенная зеленушка *Chloris chloris* – гнездящийся вид Верхнего Приангарья

Ю.И.Мельников

*Второе издание. Первая публикация в 2014**

Обыкновенная зеленушка *Chloris chloris* (Linnaeus, 1758) – европейский по происхождению вид (Бёме 1954; Степанян 1990). Во второй половине XX столетия для него была характерна достаточно интенсивная экспансия, в процессе которой он освоил очень обширную территорию до юга Восточной Сибири и, возможно, Забайкалья, где он может проникать в ареал другого близкородственного вида – китайской зеленушки *Chloris sinica* (Linnaeus, 1766) (Мельников, Дурнев 1999; Елаев и др. 2000; MacKinnon et al. 2000; Малков 2002; Горошко, Кирилюк 2003; Доржиев 2011; Мельников 2012, 2013). Хорошо известно, что китайская зеленушка является редкой гнездящейся и пролётной птицей Даурского заповедника (Горошко, Кирилюк 2003), а на запад её встречи известны у Читы (Елаев и др. 2000). Особенности гнездовой части ареала обыкновенной зеленушки на его восточной окраине до сих пор выяснены недостаточно точно. Для Восточной Сибири имеется очень мало сведений и о достоверных находках гнёзд и выводков этой птицы. Поэтому наши наблюдения за обыкновенной зеленушкой на правобережье истока реки Ангары (2009-2014 годы) представляют несомненный интерес.

Материал и методика

Работа выполнялась на протяжении второй половины XX и начала XXI века. За этот период обследованы многие районы Восточной Сибири и проведены детальные исследования структуры и населения птиц на нескольких участках региона, в том числе и на ранее необследованном правобережье истока Ангары. Это позволило собрать уникальные данные о характере распространения основной части видов птиц, встречающихся в данном регионе. Дальнейшие работы, связанные с изучением влияния динамики климата на видовой состав, структуру и плотность населения птиц, а также особенностей их распространения, дали возможность выявить многие аспекты сопряжённой динамики данных показателей, а также процессы изменения ареалов многих видов птиц.

Методической основой работы в середине XX столетия были рекомендации и методические разработки Ю.С.Равкина (Равкин, Доброхотов 1963; Равкин 1976). В настоящее время используется другая методика (Равкин, Челинцев 1990), хорошо согласующаяся с прежними методическими подходами, но являющаяся более простой и удобной в работе. Это позволяет проводить полноценные сравнения резуль-

* Мельников Ю.И. 2014. Обыкновенная зеленушка *Chloris chloris* (Linnaeus, 1758) (Aves, Fringillidae) – гнездящийся вид Верхнего Приангарья // *Байкал. зоол. журн.* 2 (15): 63-67.

татов работ, выполненных в разное время. Общий объём учётного материала на каждом ключевом участке составлял от 1500 до 3000 км, что даёт возможность представить полную характеристику структуры и плотности населения птиц изученных районов, а также при необходимости рассчитать основные параметры разнообразия сообществ птиц разных местообитаний. Одновременно такой материал позволяет отслеживать динамику ареалов и особенности появления новых видов, ранее не регистрировавшихся в Восточной Сибири или основные изменения обилия крайне малочисленных или залётных видов (Дурнев 1996; Мельников, Дурнев 1999; Малков 2002 Доржиев 2011 Мельников 2012). К таким видам птиц относится и обыкновенная зеленушка.

Результаты и обсуждение

Обыкновенная зеленушка обнаружена нами уже в первый осенний период специальных наблюдений на правобережье истока реки Ангары – в октябре-ноябре 2009 года. Дальнейшие работы показали, что зеленушка встречается здесь в осенний период практически ежегодно, хотя численность её незначительна. Основные местообитания вида представлены придорожными полынниками (полынь обыкновенная *Artemisia vulgaris)* и зарослями сорных трав, а также окраинами полей, заброшенных деревень, пустырями, зарастающими днищами заливов Иркутского водохранилища в годы с очень низким уровнем воды. Повсеместно это заросли сорных трав, главным образом в окрестностях жилых и промышленных построек человека. Нередко зеленушка отмечается в полосе отчуждения Восточно-Сибирской железнодорожной магистрали.

В районе посёлка Листвянка *Ch. chloris* обычно встречается на остепнённых крутых склонах гор, обращённых к озеру Байкал, а также на пустырях в окрестностях близлежащих деревень и садоводств. Отмечается она здесь практически ежегодно (небольшие группы из 3-4 особей или стайки из 10-12 птиц), но плотность населения сильно меняется по сезонам (от 0.47 до 5.3 ос./км^2). Средняя плотность населения этого вида за весь период наблюдений осенью и зимой составила 2.4± 0.4 ос./км^2 (Мельников 2012). В 2009-2013 годах в весенний период данный вид здесь отсутствовал, но в первой половине апреля 2013 года на правом склоне долины реки Каменушки в пределах населённого пункта (улица Академическая) дважды отмечен токующий самец *Ch. chloris*. Специальные наблюдения всё же не позволили выявить здесь гнездование этого вида. Весной 2014 года токующий самец на этом же участке отмечался неоднократно. Песня и токовой полёт обыкновенной зеленушки отмечались здесь в первой половине дня в течение всего апреля. Однако впоследствии эта птица нами здесь не наблюдалась.

Совершенно неожиданно 3 июля 2014 выводок *Ch. chloris* из 4 плохо летающих молодых птиц в сопровождении 2 взрослых птиц встречен утром на территории дендрологического парка Байкальского музея ИНЦ СО РАН примерно в 150 м от места постоянного весеннего токо-

вания самца. Птицы рассмотрены в 12-кратный бинокль с расстояния в 10-12 м. Типичный «грубоватый» профиль с мощным клювом, а также характерная окраска поясницы и крыльев позволяют практически безошибочно определить данный вид. Кроме того, 19 июля на склоне сосново-берёзового леса с хорошо развитым подлеском из сосны сибирской *Pinus sibirica*, обращённом к реке Ангаре, несколько раз зарегистрирована характерная тревожная позывка обыкновенной зеленушки. Расстояние между местами встреч данного вида составляет около 2 км. Следовательно, обыкновенную зеленушку теперь можно уверенно считать гнездящейся птицей Верхнего Приангарья.

К настоящему времени имеется только одно указание на возможное гнездование данного вида в Восточной Сибири. В работе М.В.Сониной (2009) указывается на гнездование обыкновенной зеленушки в хвойном подросте в районе городских очистных сооружений Иркутска в предместье Марата. Однако никаких фактических данных, т.е. находок гнёзд или выводков этот автор не приводит. Поэтому находка нами выводка обыкновенной зеленушки в посёлке Листвянка (пойма реки Каменушки) является первой достоверной регистрацией, подтверждающей её гнездование в Восточной Сибири (Южное Предбайкалье).

Для обыкновенной зеленушки, типичного европейского вида, в настоящее время характерно достаточно быстрое расширение ареала на восток, в начальный период имеющее вид обширной экспансии (Миловидов 1990; Дурнев и др. 1996; Мельников, Дурнев 1999; Рябицев 2001; Фефелов 2001; Воронова 2003; Климова 2007; Малеев, Попов 2007; Абрамова, Баранов 2010; Преловский 2011; Мельников 2012, 2013; Попов 2012; Попов и др. 2012). В первой половине XX века в Западной Сибири данный вид отмечался только залётом, а в Восточной Сибири его регистрации отсутствовали (Бёме 1954; Гагина 1961; Рогачёва 1988; Рябицев 2001; Доржиев 2011). Восточная граница его гнездового ареала проходила по склонам Уральского хребта у Екатеринбурга и в верховьях реки Туры (Миловидов 1990; Рябицев 2001). Однако уже в 1975 году *Ch. chloris* найдена на гнездовье в окрестностях Тюмени. В это же время она отмечена по долине реки Урал в Казахстане, а с 1977 года начала встречаться здесь и на гнездовье. Уже в 1978 году она найдена на гнездовье у Томска, а небольшие группы птиц встречались на севере Кемеровской области (Миловидов 1990; Рябицев 2001).

С этого времени наблюдается постоянный рост численности зеленушек. С 1983-1985 года эти птицы начали встречаться в подтаёжной зоне Томского Приобья и отмечены у Новосибирска (Миловидов 1990). В 1995-1998 годах установлено гнездование зеленушки в Кемерово (Климова 2007). Характерно, что именно в 1980-х годах *Ch. chloris* зарегистрирована в черте города Иркутска и постоянно отмечалась здесь

начиная с 1987 года в осенне-зимние периоды (Дурнев и др. 1996). Несколько ранее, 26 сентября 1981, несколько птиц этого вида зарегистрировано в окрестностях села Уян в Зиминско-Куйтунской лесостепи (Фефелов 2001). Очевидно, *Ch. chloris* в первую очередь осваивает полосу между лесостепью и типичной тайгой, что типично для элементов европейского типа фауны птиц, встречающихся в небольшом количестве на юге Сибири (в лесостепи) (Штегман 1938). Оптимальными местообитаниями для таких видов, вероятно, являются лесопольные ландшафты. В то же время на начальных этапах экспансии распространение обыкновенной зеленушки в Западной Сибири носило мозаичный характер (Миловидов 1990).

В начале XXI столетия область гнездования *Ch. chloris* достигала Красноярска (Рябицев 2001; Абрамова, Баранов 2010). В Красноярске поющие самцы впервые зарегистрированы 17 апреля 2010. В этом же году зеленушка отмечена 7 мая в подтаёжной зоне предгорий северо-западного отрога Восточного Саяна, а 1 августа встречена на острове Молокова в пойменном тополевом лесу (Абрамова, Баранов 2010). 31 мая 2012 поющий самец отмечен в пойменном лесу в верхнем течении реки Кан (Попов и др. 2012), а стайка из 8 зеленушек, в том числе молодых, встречена 3 августа 2012 в кустах вдоль железной дороги южнее Зеленогорска (окрестности посёлка Овражный) (Попов 2012). Встречи поющих самцов весной, а также молодых птиц в конце лета явно указывают на гнездование здесь этого вида, численность которого в гнездовой период до сих пор остаётся очень низкой.

Далее на восток *Ch. chloris* отмечается вплоть до Иркутска, откуда известны её постоянные встречи, преимущественно в позднеосеннее и зимнее время. Как указывалось выше, она начала встречаться в Восточной Сибири с начала 1980-х годов. Имеется несколько регистраций данного вида в пределах Южного Предбайкалья. Основная часть встреч приходится на осенне-зимний период: 26 сентября 1981 (Зиминско-Куйтунская лесостепь), осенне-зимние сезоны 1987-1992 годов (зарастающие отстойники Иркутска в предместье Марата), 24 февраля 2002 (долина реки Куда), 28 января 2007 (долина реки Ида у села Морозово), а также наши осенне-зимние наблюдения в истоке реки Ангары в 2009-2014 годах (Дурнев и др. 1996; Мельников, Дурнев 1999; Фефелов 2001; Воронова 2003; Малеев, Попов 2007; Сонина 2009; Преловский 2011; Мельников 2012, 2013). В гнездовой период также известно несколько достоверных встреч обыкновенной зеленушки: летне-осенние встречи на отстойниках Иркутска в предместье Марата, поющий самец 24 мая 2006 на Капсальской горе (Эхирит-Булагатский район), апрель 2013-2014 годов – токующие самцы в нижнем течении Каменушки (село Листвянка), 3 июля 2014 – выводок зеленушек в дендрологическом парке Байкальского музея ИНЦ СО РАН, 15-19

июля 2014 – беспокоящиеся птица на окраине техучастка (исток Ангары) (Малеев, Попов 2007; Сонина 2009; наши данные). Эти наблюдения указывают, что в настоящее время обыкновенная зеленушка является редким гнездящимся видом Южного Предбайкалья.

В литературе имеется указание Е.Э.Малкова (2002), повторённое Ц.З.Доржиевым (2011), о встречах *Ch. chloris* в Чикойском горнотаёжном районе по рекам Букукун и Буреча, а также в Сохондинском заповеднике. В данном случае вероятна ошибка в определении вида. Дело в том, что это окраина ареала *Ch. sinica* (MacKinnon *et al.* 2000), встречающейся в небольшом числе на гнездовье и пролёте в Даурском заповеднике (Горошко, Кирилюк 2003). Самые западные встречи *Ch. sinica* известны на окраине Читы (Елаев и др. 2000). Между Читой и Иркутском встречи *Ch. chloris* неизвестны. Вероятно, полоса настоящей тайги между Иркутском и Слюдянкой (Олхинское плато), после которой уже встречаются локальные местообитания, пригодные для обоих видов зеленушек, до сих пор является непреодолимой преградой для очень малочисленной *Ch. chloris*. На востоке ареала далее Иркутска и Листвянки этот вид ещё никем не отмечался. Следовательно, до сих пор сохраняется разрыв в ареалах *Ch. chloris* и *Ch. sinica*.

Хорошо известно, что у видов, расширяющих свой ареал, выделяется три типа заселения новых территорий: постепенное освоение прилежащих районов («фронтальное наступление»), дальние залёты с освоением пригодных местообитаний и дальнейшим медленным ростом численности из немногих благоприятных для вида очагов обитания, массовая инвазия с последующим быстрым захватом новой территории. Очевидно, любому типу освоения новой территории предшествует серия удачных залётов. Различаются они лишь по интенсивности и дальности (Москвитин 1981; Мельников, Дурнев 1999). Очевидно, залёты являются важным этапом освоения новых территорий любым видом и всегда требуют тщательного специального анализа. Первые этапы освоения обыкновенной зеленушкой восточной части современного ареала носили характер массовой экспансии, сопровождающейся быстрым началом гнездования и захватом новой обширной территории западных окраин Сибири и Северо-Западного Казахстана. Дальнейшее её продвижение на восток имело вид дальних залётов с освоением наиболее благоприятных биотопов и медленным ростом численности за счёт особей из немногих гнездовых очагов. Очевидно, условия среды здесь более жёстки, чем на окраине Западной Сибири, прилегающей к Уралу.

Китайская зеленушка продвигается на запад значительно более медленными темпами с постепенным освоением прилежащей территории. К сожалению, её численность в основном ареале на территории Китая неизвестна, хотя на границе с Россией она является достаточно

обычным, но немногочисленным видом (MacKinnon *et al.* 2000). Вероятно, именно поэтому её продвижение на запад идёт очень медленно и началось относительно недавно. До сих пор сохраняется значительный коридор вдоль железнодорожной магистрали, по которой, предположительно, зеленушки осваивают прилежащие территории (Миловидов 1990), не занятые этими видами. Вполне определённо, таёжные пространства Олхинского плато, расположенные юго-восточнее Иркутска, являются трудно преодолимой преградой для обыкновенной зеленушки. В то же время разрушение исходных местообитаний на небольших горных перемычках, разделяющих лесостепь Средней Сибири на отдельные фрагменты и ранее выполнявших роль енисейской зоогеографической границы, позволило европейским видам, в том числе и обыкновенной зеленушке, достаточно интенсивно расселяться на восток (Абрамова, Баранов 2010). Этому способствует и современное значительное потепление климата Северной Азии.

Заключение

Очень быстрая экспансия обыкновенной зеленушки в конце XX века на территорию Сибири (восточное направление) закончилась освоением обширного пространства лесостепей и, частично, южной тайги. Однако данный вид на восточной окраине ареала повсеместно остаётся очень малочисленным и гнездование его в Средней и Восточной Сибири доказано только в начале XXI века. Обыкновенная зеленушка очень малочисленна и осваивает здесь наиболее оптимальные участки ареала. Китайская зеленушка также проявляет тенденцию к расширению ареала на запад (встречный поток к ареалу обыкновенной зеленушки), выраженную в гораздо меньшей степени. Самой крайней западной точкой её наблюдений является Чита. Между Читой и Иркутском существует достаточно крупный разрыв в ареалах данных видов, явно обусловленный отсутствием или очень небольшой площадью местообитаний, пригодных для гнездования зеленушек обоих видов.

Особенности расселения зеленушек подтверждают, что даже относительно небольшие участки нетипичных местообитаний при очень низкой исходной численности расселяющихся видов могут играть роль существенной преграды. Вследствие этого небольшие горные массивы лесов Средней Сибири, разделяющие лесостепные участки на отдельные относительно небольшие фрагменты, препятствовали широкому расселению многих видов открытых ландшафтов. В первой половине XX века эти массивы составляли основу енисейской зоогеографической границы, препятствующей широкому смешению фаун птиц Западной и Восточной Сибири. Интенсивное хозяйственное освоение этой территории, связанное с использованием лесных ресурсов, значительно увеличило площадь открытых пространств. Особенно ярко это выражено

вдоль железнодорожной магистрали и крупных шоссейных дорог. В результате естественная преграда на пути расселения птиц была разрушена, что значительно облегчило птицам освоение новых открытых пространств, лежащих от неё к востоку. Расселение птиц облегчалось и наличием здесь достаточно крупных участков лесостепи, а впоследствии – обширных лесопольных ландшафтов. Исходным импульсом к массовому расселению птиц могло стать потепление климата Северной Азии, одной из основных характеристик которого является ярко выраженное повышение температуры в зимний период.

Литература

Абрамова Н.А., Баранов А.А. 2010. Распространение обыкновенной зеленушки *(Chloris chloris)* на территории Сибири в последние десятилетия // *Фауна и экология животных Сибири и Дальнего Востока*. Красноярск: 3-5.

Воронова С.Г. 2003. Исследование авифауны Кудинской степи (Южное Предбайкалье) // *Современные проблемы орнитологии Сибири и Центральной Азии*. Улан-Удэ, **1**: 73-76.

Гагина Т.Н. 1961. Птицы Восточной Сибири (Список и распространение) // *Тр. Баргузинского заповедника* **3**: 99-123.

Горошко О.А., Кирилюк В.Е. 2003. Птицы заповедника «Даурский» // *Тр. заповедника «Даурский»* **3**: 20-32.

Бёме Л.Б. 1954. Род зеленушки *Chloris* Cuvier, 1800 // *Птицы Советского Союза*. М., **5**: 181-190.

Доржиев Ц.З. 2011. Птицы Байкальской Сибири: систематический состав, характер пребывания и территориальное размещение // *Байкал. зоол. журн*. 1 (6): 30-54.

Дурнев Ю.А., Мельников Ю.И., Бояркин И.В., Книжин И.Б. и др. 1996. *Редкие и малоизученные позвоночные животные Предбайкалья: распространение, экология, охрана*. Иркутск: 1-287.

Елаев Э.Н., Ешеев В.Е., Митупов Ч.З., Вайгль Ш. и др. 2000. К фауне птиц Торейской котловины (Юго-Восточное Забайкалье) // *Орнитологические исследования в России*. Улан-Удэ, **2**: 54-73.

Климова Н.В. 2007. Гнездование обыкновенной зеленушки *Chloris chloris* в Кемерово // *Рус. орнитол. журн*. **16** (355): 554.

Малеев В.Г., Попов В.В. 2007. *Птицы лесостепей Верхнего Приангарья*. Иркутск: 1-300.

Малков Е.Э. 2002. Птицы Aves // *Растительный и животный мир Сохондинского биосферного заповедника*. Чита: 104-132.

Мельников Ю.И. 2011. Структура летнего населения птиц правобережья истока р. Ангара (Южный Байкал) // *Разнообразие почв и биоты Северной и Центральной Азии*. Улан-Удэ, **2**: 85-86.

Мельников Ю.И. 2012. Очерк зимнего населения птиц правобережья истока р. Ангара (Южный Байкал) // *Байкал. зоол. журн*. 2 (10): 43-65.

Мельников Ю.И. 2013. Зимняя фауна птиц озера Байкал: видовой состав, обилие и особенности распределения // *Тр. Баргузинского заповедника* **10**: 93-114.

Мельников Ю.И., Дурнев Ю.А. (1999) 2012. Расширение к востоку ареалов некоторых видов птиц Средней и Восточной Сибири // *Рус. орнитол. журн*. **21** (752): 968-981.

Миловидов С.П. (1990) 2005. Экспансия зеленушки *Chloris chloris* в Западной Сибири // *Рус. орнитол. журн*. **14** (287): 425-427.

Москвитин С.С. 1981. Динамика гнездовых ареалов птиц на Западно-Сибирской равнине и её анализ // *Экология и охрана птиц*. Кишинёв: 158.

Попов В.В. 2012. К авифауне окрестностей Зеленогорска (Красноярский край) // *Байкал. зоол. журн*. 2 (10): 66-70.
Попов В.В., Ананин А.А., Подольский С.В., Реймерс А.Н. 2012. К орнитофауне средней и верхней части долины реки Кан (Красноярский край) // *Байкал. зоол. журн*. 3 (11): 76-90.
Преловский В.А. 2011. Формирование зимнего населения птиц г. Иркутска // *Байкал. зоол. журн*. 2 (7): 81-90.
Рогачёва Э.В. 1988. *Птицы Средней Сибири*. М.: 1-309.
Равкин Ю.С. 1976. К методике учёта птиц в лесных ландшафтах // *Природа очагов клещевого энцефалита на Алтае*. Новосибирск: 66-75.
Равкин Ю.С., Доброхотов Б.П. 1963. К методике учёта птиц лесных ландшафтов во внегнездовое время // *Организация и методы учёта птиц и вредных грызунов*. М.: 130-136.
Равкин Е.С., Челинцев Н.Г. 1990. *Методические рекомендации по комплексному маршрутному учёту птиц*. М.: 1-33.
Рябицев В.К. 2001. *Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: справочник-определитель*. Екатеринбург: 1-608.
Сонина М.В. 2009. Зимующие птицы города Иркутска: эколого-фаунистический обзор // *Байкал. зоол. журн*. 2: 80-84.
Сонина М.В. 2009. Эколого-фаунистический обзор гнездящихся птиц города Иркутска // *Байкал. зоол. журн*. 3: 84-87.
Степанян Л.С. 1990. *Конспект орнитологической фауны СССР*. М.: 1-728.
Фефелов И.В. 2001. Дополнение к наблюдениям обыкновенной зеленушки *Chloris chloris* в Иркутской области // *Рус. орнитол. журн*. **10** (163): 906-907.
Штегман Б.К. 1938. Основы орнитогеографического деления Палеарктики // *Фауна СССР: Птицы* **1**, 2: 1-157.
MacKinnon J., Phillipps K., Fen-qi He. 2000. *A Field Guide to the Birds of China*. New York: 1-586.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск **1333**: 3303-3305*

Гнездовые колонии чаек на островах озера Балхаш и меры по их охране

В.А.Грачёв

Второе издание. Первая публикация в 1982[*]

Материалы собраны во время объезда озера Балхаш в мае-июне 1971 и июне 1975 года. В 1971 году на небольшом островке размерами 500×300 м, к востоку от озера Кошкоен-Тюбек, в восточной части озера гнездилось около 1000 пар черноголовых хохотунов *Larus ichthyaetus* и 100 пар хохотуний *Larus cachinnans*. Гнёзда хохотуний располагались

[*] Грачёв В.А. 1982. Гнездовые колонии чаек на островах Балхаша и меры по их охране // *Животный мир Казахстана и проблемы его охраны*. Алма-Ата: 52-54.

одиночно по краям острова, черноголовых хохотунов – в центре; 29 мая здесь были разновозрастные пуховички, в гнёздах оставалось мало яиц. В 1975 году здесь гнездилось около 20 пар хохотуний; 9 июня все птенцы оперились. На других островах найдено 4 колонии чайковых птиц (см. таблицу).

Численность гнездящихся пар чайковых птиц в гнездовых колониях на островах озера Балхаш

Виды птиц	Номера колоний				Всего
	1	2	3	4	
Черноголовый хохотун *Larus ichthyaetus*	200	300	400	100	1000
Хохотунья *Larus cachinnans*	400	50	100	30	580
Озёрная чайка *Larus ridibundus*	90	-	-	-	90
Чеграва *Hydroprogne caspia*	20	-	40	-	60
Черноносая крачка *Gelochelidon nilotica*	50	-	100	-	150
Речная крачка *Sterna hirundo*	10	-	70	1	80

Колонии располагались в следующих местах:

1) Остров Байкамадан-Арал (2.5×0.5 км) к востоку от полуострова Коржунтюбек в восточной части озера Балхаш. Южный и восточный берега покрыты зарослями тростника, по краям – песчаные косы, на которых расположены гнездовые колонии. Для гнездования они используются много лет; отмечены старые гнёзда бакланов и пеликанов, гнездовые колонии чаек. Кроме чайковых здесь гнездятся серые гуси *Anser anser*, огари *Tadorna ferruginea*, пеганки *Tadorna tadorna*, серые утки *Anas strepera*, луговые тиркушки *Glareola pratincola*, ходулочники *Himantopus himantopus*, малые зуйки *Charadrius dubius*, 1 пара серых журавлей *Grus grus*. У черноголовых хохотунов и хохотуний 9 июня были птенцы разных возрастов. У озёрных чаек *Larus ridibundus* и чеграв *Hydroprogne caspia* – в гнёздах маленькие птенцы и насиженные яйца, у черноносых крачек *Gelochelidon nilotica* – яйца.

2) Безымянный островок (150×80 м) около острова Абдыма-Арал, к востоку от полуострова Байгабыл (северо-западнее устья реки Каратал); 11 июня птенцы у чаек были нелётные.

3) Два безымянных островка (200×150 м каждый) к северу от посёлка Мын-Арал. На одном островке около купака тростника было два гнезда кудрявого пеликана *Pelecanus crispus*. Кроме чаек здесь гнездились луговые тиркушки, кулики-сороки *Haematopus ostralegus*, сизые голуби *Columba livia* и галки *Corvus monedula*. У черноголовых хохотунов и хохотуний 20 июня были крупные птенцы, часть молодых хохотуний летала. У чеграв, черноносых и речных *Sterna hirundo* крачек в гнёздах были яйца.

4) Полуостров на северо-западном берегу озера Балхаш, в 20 км севернее урочища Кара-Камыс. У черноголовых хохотунов и хохотуний

21 июня были крупные птенцы. Колония эта систематически разоряется рыбаками.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск **1333**: 3305-3311*

Новые материалы по распространению домового *Passer domesticus* и полевого *Passer montanus* воробьёв на севере Камчатского края

Е.Г.Лобков

*Второе издание. Первая публикация в 2010**

Как известно (Лобков 1986, 2002) полевой *Passer montanus* и домовый *Passer domesticus* воробьи на Камчатке – виды интродуцированные, причём история становления и динамики их популяций совершенно разные. Полевой воробей попал на Камчатку случайно: в мае 1979 года он был завезён теплоходом из Находки в Петропавловск-Камчатский, откуда к 1996 году экспансией распространился по всему полуострову Камчатка на юг до посёлка Озерновский, посёлка Паужетка и мыса Лопатка, на север до посёлков Палана и Оссора и, кроме того, проник на Командорские острова (Лобков 2002, 2003).

Домовый воробей впервые появился на Камчатке в результате преднамеренной интродукции: в 1981 году его завезли из Москвы в город Елизово. Кроме того, несколько лет спустя (в 1983 году), домовых воробьёв завезли в посёлок Тиличики на юге Корякского нагорья (Лобков 2002, 2003). Откуда привезли домовых воробьёв на север Камчатки, выяснить не удалось. Таким образом, у домового воробья возникло два «центра» расселения, изолированные один от другого расстоянием во многие сотни километров. Поразительно, но микропопуляция домового воробья на юге Камчатки до сих пор (в течение вот уже 29 лет!) так и не вышла в своём распространении на гнездовании за пределы города Елизово и его самых ближайших окрестностей. Первый залёт молодых птиц в Петропавловск-Камчатский на расстояние до 30 км от Елизово отмечен 6 сентября 2008. При этом население домового воробья в Елизове процветает, численность его растёт, и к началу 2000-х годов он потеснил полевого воробья и значительно превысил в этом городе уровень его численности (Лобков 2002). Причину такого территориального консерватизма домового воробья мы видим в том, что все населённые

* Лобков Е.Г. 2010. Новые материалы по распространению домового *Passer domesticus* и полевого *Passer montanus* воробьёв на севере Камчатского края // *Биология и охрана птиц Камчатки* **9**: 70-73.

пункты на юге Камчатки уже заняты полевым воробьём, и домовый при попытках расселения испытывает сильный пресс конкурентных отношений (Лобков 2002, 2003). В апреле 2009 года мы наблюдали домовых воробьёв в посёлке Усть-Хайрюзово, но это оказались залётные особи, так как летом 2010 года при специальном обследовании в этом посёлке домовых воробьёв не оказалось (Ф.В.Казанский, устн. сообщ.). В ближайших к Усть-Хайрюзово населённых пунктах, обследованных нами (Тигиль и Ковран на севере, Крутогорово, Устьевое и Соболево на юге), размножаются только полевые воробьи.

«Центр» расселения домовых воробьёв на севере Камчатки возник вне ареала полевого воробья (до этих мест полевые воробьи к тому времени ещё не добрались), поэтому представляет большой интерес проследить, как же развивалась ситуация на севере Камчатки дальше.

Материалы, собранные нами в 2008 году в населённых пунктах Карагинского и Олюторского районов и в 2009 году в Пенжинском районе, иллюстрируют экспансию домового воробья в течение последних 26 лет и его территориальные отношения с полевым воробьём на границе контакта их ареалов на севере полуострова Камчатка.

Судьба интродуцентов представляет большой интерес не только с орнитологической, но с общебиологической точки зрения, поскольку речь идёт о слабо изученных процессах закрепления и темпах становления новых популяций.

Материал и методика

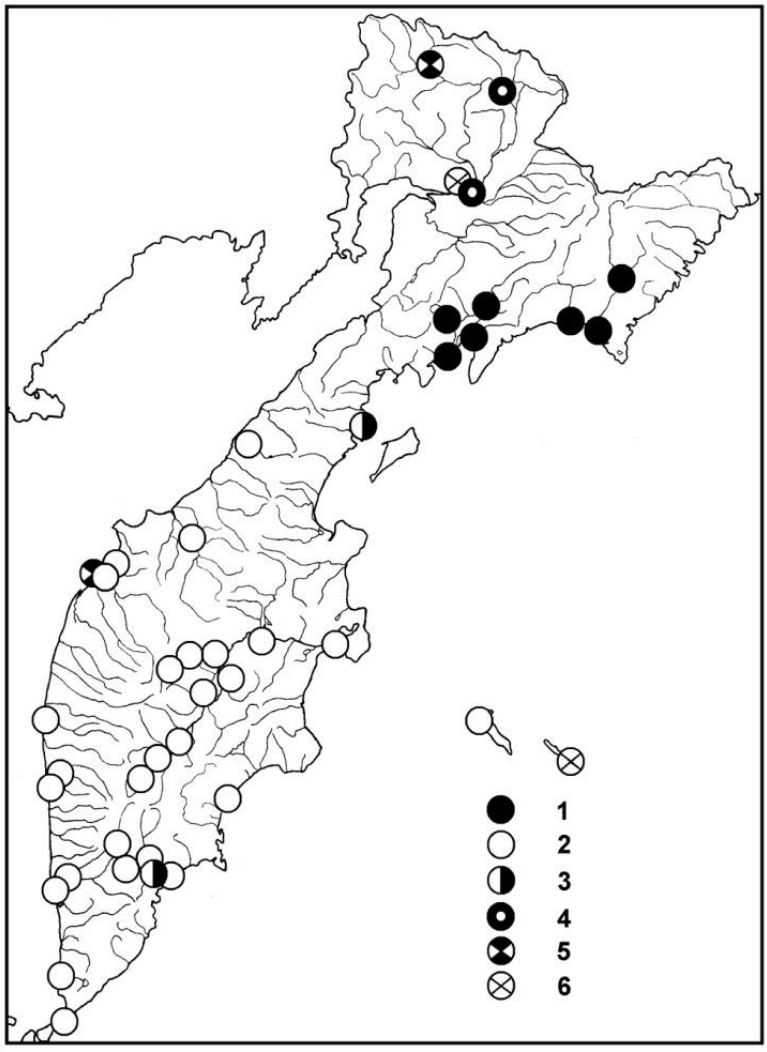
С 16 июля по 14 августа 2008 по программе мониторинга месторождений полезных ископаемых, разрабатываемых ЗАО «Корякгеолдобыча», нам довелось побывать в населённых пунктах Оссора (Карагинский район), Корф и Тиличики (Олюторский район) и в трёх базовых посёлках в границах освоения Сейнав-Гальмоэнавского платинового узла. Платиновое месторождение расположено на юге Корякского нагорья в бассейнах рек Левтыриныям и Ветвей (бассейн нижнего течения реки Вывенка). В крупных посёлках мы провели учёты птиц маршрутным методом по основным улицам в подходящей по условиям полосе обнаружения шириной от 30 до 100 м. В последующем пересчитывали данные на плотность размещения птиц в парах на 1 км^2. На производственных базах горнодобывающего предприятия учёты произвели сплошным обследованием каждой из урбанизированных территорий. Кроме того, при поддержке главы Олюторского муниципального района В.С.Бондарева, мы произвели телефонный опрос глав сельских муниципальных образований Олюторского района – населённых пунктов Вывенка, Хаилино, Пахачи, Апука и Ачайваям. У каждого выяснили, в частности, наличие в сёлах домовых воробьёв и год их появления. В 2009 году в рамках разработки Территориальной схемы развития и размещения особо охраняемых природных территорий Камчатки мы обследовали бассейн Пенжины (8 июня – 10 июля), включая все населённые пункты, кроме посёлков Парень и п. Таловка. В дополнение к нашим данным произвели опрос местных жителей посёлков Манилы, Каменское, Оклан, Слаутное и Аянка, а также работников гидрометеостанции (ГМС) «Верхнее Пенжино» в отношении встреч с воробьями в прежние годы. Наконец, в ноябре 2009

года мы получили фотографию, сделанную районным охотоведом Пенжинского района А.Стасевым и подтвердившую факт залёта полевого воробья в Каменское.

В результате составили карту распространения воробьёв на севере Камчатки по состоянию на 2009 год (см. рисунок).

Расселение домовых воробьёв на севере Камчатки в течение последних 26 лет

Прежде всего, нам удалось выяснить, что домовых воробьёв в посёлок Тиличики завезли не в 1988-1989 годах, как мы предполагали исходя из собранной ранее информации (Лобков 2002, 2003), а несколько раньше – в 1983 году. Тогда в больших объёмах в контейнерах сюда завозили горохово-овсяную смесь, которую высевали в целях подкормки крупного рогатого скота. Воробьи прижились на животноводческой ферме и отсюда распространились сначала по Тиличикам, а потом (1992 год) заселили посёлок Корф. Уже в 1993 году их залёты зафиксированы в посёлке Вывенка, а в 1997 – в Оссоре (Лобков 2002).

Распространение домового *Passer domesticus* (1) и полевого *Passer montanus* (2) воробьёв на Камчатке по состоянию на 2009 год; 3 – населённые пункты, где известно совместное обитание обоих видов; 4 – посёлки, в которых зарегистрированы попытки размножения домовых воробьёв, но их закрепления пока не произошло; 5 – залёты домовых воробьёв; 6 – залёты полевых воробьёв.

Жители Вывенки неоднократно замечали домовых воробьёв на плашкоутах, курсировавших между этим селом и Корфом. Оба населённых пункта расположены на морском побережье в заливе Корфа, расстояние между ними относительно невелико (примерно 37 км), и для домовых воробьёв не было преград проникнуть в Вывенку. Размножающаяся группировка сложилась здесь уже в 1995-1997 годах.

Село Пахачи также расположено на морском берегу, но значительно севернее, в Олюторском заливе, более чем в 170 км от посёлка Корф по прямой. Местные жители этого посёлка вспоминают, что домовые воробьи появились здесь в 1999-2000 годах.

Ещё чуть севернее (в 27 км от Пахачи) расположен посёлок Апука. Точный год появления воробьёв здесь не зафиксировали, но в 2004 году их было около 50 особей. Потом из-за сильных морозов в течение 2 лет число воробьёв сократилось почти вдвое. Но затем их численность опять возросла и в настоящее время составляет 100-150 особей.

В 2004 году домовых воробьёв нашли и в селе Ачайваям, расположенном примерно в 78 км вверх по реке от посёлка Апука. Сейчас они здесь размножаются, но численность невелика.

В посёлке Хаилино, который расположен всего в 72 км от Тиличиков, но в глубине суши на юге Корякского нагорья, воробьёв также заметили только в 2005 году. Видимо, вдоль морского побережья воробьи распространяются быстрее, чем в глубинных районах суши.

Морское побережье, кстати, было одним из важнейших путей расселения и полевых воробьёв на полуострове Камчатка в годы их экспансии.

Летом 2008 года мы обнаружили молодых и взрослых домовых воробьёв (их численность соответствовала примерно 2-3 выводкам) в базовом производственном посёлке ЗАО «Корякгеолдобыча» на реке Левтыринываям (в 90-100 км вглубь суши от посёлка Тиличики).

Таким образом, домовые воробьи заселили к настоящему времени, по сути, все населённые пункты, расположенные на Корякском нагорье в границах Камчатского края.

Характер расселения домовых воробьёв в континентальных районах Корякии напоминает недавнюю экспансию полевых воробьёв, произошедшую на полуострове Камчатка. Домовые воробьи заселяли посёлок за посёлком, где никто из птиц не мог составить им конкуренцию за места размножения и кормовые ресурсы, за исключением якутской белой *Motacilla alba ocularis*, а на морском побережье ещё и камчатской *M. lugens* трясогузок. Трясогузки, в свою очередь, не выдерживали конкуренции, и их численность с появлением воробьёв в каждом из населённых пунктов Камчатки непременно сокращалась (Лобков 2002). То же происходит и в Корякии. Поскольку количество населённых пунктов в континентальных районах невелико, и размещаются

они на большом расстоянии один от другого, то масштабы (площадь освоенной территории за 26 лет) и темп расширения ареала у домовых воробьёв оказались несколько меньшими, чем у полевого воробья на Камчатке.

Залёты и попытки закрепления воробьёв в населённых пунктах в бассейне Пенжины

По данным на 2009 год, ни домовые, ни полевые воробьи в бассейне Пенжины регулярно не гнездятся. Мы не нашли их в 2008-2009 годах ни в одном из населённых пунктов Пенжинского района. Однако попытки размножения воробьёв здесь были. И, судя по всему, это были домовые воробьи. Согласно опросной информации, собранной у местных жителей, размножение домовых воробьёв происходили примерно в одно и то же время в разных селениях. Так, в посёлке Каменское домовые воробьи стайкой из 6-8 особей появились осенью на рубеже конца 1990-х и начала 2000-х годов. Они успешно размножались под крышами зданий в течение нескольких лет, в результате чего их численность возросла до 15-20 особей. Последний раз размножение произошло в 2005 году на животноводческой ферме, где воробьи жили вместе с сизыми голубями *Columba livia*. После этого домовые воробьи исчезли и более не появлялись.

Примерно в это же время домовые воробьи числом до 8 особей появились в посёлке Аянка, где также успешно размножались в течение 2-3 лет, но потом исчезли.

В конце 1990-х годов несколько домовых воробьёв осенью появились на территории ГМС «Верхнее Пенжино», сотрудники подкармливали их и держали в помещении, боясь воздействия на птиц экстремальных холодов, но всех птиц съели кошки.

Местные жители полагают, что домовые воробьи появились на реке Пенжине в годы активного завоза в населённые пункты района (1995-1997) комбикормов, либо залетели из Магаданской области. Мы не отвергаем этих вариантов, но с учётом собранной нами новой информации о распространении домовых воробьёв в континентальных районах Корякии, более вероятно, что они залетели со стороны Корякского нагорья. Быть может, именно отсюда они попали и на реку Анадырь, где также появились в 1990-х годах (Архипов и др. 2008; Томкович 2008).

В бассейне Пенжины появляются не только домовые, но и полевые воробьи. В ноябре 2009 года залёт полевого воробья в Каменское был подтверждён фотографией. Птица исчезла бесследно, и никаких иных встреч в последующем (включая 2010 год) не отмечено. Морские суда в ноябре на Пенжину не приходят, так что, скорее всего, полевой воробей залетел сюда самостоятельно со стороны западного побережья Камчатки, где этот вид в населённых пунктах вполне обычен.

Контакт ареалов полевого и домового воробьёв на севере полуострова Камчатка и конец экспансии полевых воробьёв вдоль восточного побережья Камчатки

Расселение домовых воробьёв в континентальных районах Корякии продолжалось (и продолжается) в направлении прежде всего тех населённых пунктов, где нет полевых воробьёв. Как только произошёл контакт их ареалов вблизи Камчатского перешейка на восточном побережье полуострова Камчатка, темпы расселения каждого из этих двух видов воробьёв путём проникновения одного в ареал другого в этом районе заметно сократились.

Полевой воробей достиг посёлка Оссора в 1996 году. С момента его появления на полуострове Камчатка к тому времени прошло всего 17 лет. Темп расселения вдоль полуострова, таким образом, был очень высоким (Лобков 2002). Но достигнув Оссоры, вид с тех пор (в течение вот уже 12 лет) так и не проник ещё севернее в Корякское нагорье, хотя расстояние здесь относительно невелико. Причину мы видим в том, что к моменту, когда полевой воробей достиг северных районов Камчатки, в населённых пунктах Корякского нагорья уже обосновался домовый воробей. Можно предполагать, что экспансия полевых воробьёв, наблюдавшаяся нами в течение 17 лет, закончилась у северных пределов полуострова вследствие их контакта с домовыми воробьями.

Действительно, домовый воробей, в свою очередь, проник в посёлок Оссора в конце 1990-х годов (в 1997 году был зарегистрирован первый залёт), когда численность полевых воробьёв была ещё невысока. И потому, на наш взгляд, успешно закрепился здесь. Проник ли он ещё южнее (в посёлки Карага Ивашка), нам неизвестно. В Усть-Камчатске его определённо нет, здесь процветает популяция полевого воробья, как показали наши наблюдения 2006 года.

Теперь Оссора стал ещё одним населённым пунктом на Камчатке (в дополнение к Елизово), где известно совместное обитание обоих видов воробьёв. Причём полевые воробьи, в общем, предпочитают здесь окраину села с невысокими частными постройками, а домовые – центральную часть с многоэтажными и производственными строениями, хотя мы находили их гнёзда, устроенные и в соседних одноэтажных зданиях. 13 августа 2008 соотношение их численности было близко к равному: плотность населения домового воробья составила 42.8, а полевого – 37.1 пар/км^2. Доля этих видов в населении птиц Оссоры составила 24.6 и 21.3%, соответственно.

Что касается северо-западного побережья Камчатки, то здесь ситуация иная. Полевые воробьи обычны в Палане (ситуация в Рекинниках нам неизвестна). Их проникновению ещё севернее в сторону Пенжины домовые воробьи «не мешают», поэтому пока незанятые населённые пункты в бассейне Пенжины с одинаковой степенью вероятности

могут быть заселены либо домовыми, либо полевыми воробьями. И кто из них окажется первым – покажет время.

Литература

Архипов В.Ю., Коблик Е.А., Редькин Я.А., Кондрашов Ф.А. 2008. Птицы окрестностей озера Красное (Южная Чукотка) // *Сб. тр. Зоол. музея Моск. ун-та* **49**: 159-183.

Лобков Е.Г. 1986. *Гнездящиеся птицы Камчатки*. Владивосток: 1-304.

Лобков Е.Г. 2002. Становление и динамика популяций интродуцированных на Камчатке полевого *Passer montanus* и домового *Passer domesticus* воробьёв // *Биология и охрана птиц Камчатки* **4**: 93-99.

Лобков Е.Г. 2003. *Птицы Камчатки (география, экология, стратегия охраны)*. Дис. в виде науч. докл. ... докт. биол. наук. М.: 1-60.

Томкович П.С. 2008. Птицы верхнего течения реки Анадырь (Чукотка) // *Сб. тр. Зоол. музея Моск. ун-та* **49**: 101-158.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск **1333**: 3311-3317*

Особенности населения птиц ельников верхней части бореально-лесного пояса Буреинского заповедника

М.Ф.Бисеров, Е.А.Медведева

Второе издание. Первая публикация в 2015[*]

Познанию особенностей населения птиц Буреинского нагорья посвящён целый ряд работ. Часть из них касается населения птиц большинства экосистем неморально-лесной зоны нагорья (Колбин и др. 1994; Антонов, Парилов 2010; Аверин и др. 2012). Для экосистем бореально-лесной зоны нагорья население птиц наиболее исследовано в районах, приуроченных к западным макросклонам Буреинского хребта, северная часть которого известна под названием Дуссе-Алинь (Бисеров 2003, 2007, 2014; Воронов 2000). Население птиц восточных макросклонов Буреинского хребта исследовано менее полно (Брунов и др. 1988; Воронов 2000). В ряду экосистем бореально-лесного пояса Буреинского нагорья одним из наименее изученных является население птиц ельников верхнего подпояса.

Результаты многолетних работ по изучению населения птиц Буреинского заповедника, территория которого расположена на западных

[*] Бисеров М.Ф., Медведева Е.А. 2015. Особенности населения птиц ельников верхней части бореально-лесного пояса Буреинского заповедника // *Охрана природной среды и эколого-биологическое образование: сб. материалов международ. науч.-практ. конф.* Елабуга: 88-92.

макросклонах хребта Дуссе-Алинь, и наличие карты современного растительного покрова заповедника масштаба 1:200000, позволили проанализировать население птиц ельников. Согласно С.В.Осипову (2012), в верхней части бореально-лесного пояса западной части хребта Дуссе-Алинь выделено две экосистемы ельников: ельники подгольцовые с участием лиственничников и ельники подгольцовые с участием каменноберезников.

Рельеф заповедника представлен в основном складчато-глыбовыми среднегорьями. Наименьшая и наибольшая высотные отметки соответствуют 555 и 2192 м н.у.м. Формирование климата района исследований происходит под влиянием муссонных процессов и западных и юго-западных циклонов, поступающих сюда из Прибайкалья и Монголии (Петров и др. 2000).

В растительном покрове отчётливо выражены три высотных пояса. Бореально-лесной пояс протянулся от наименьших высот до 1400 м над уровнем моря, подгольцовый пояс – от 1400 до 1600 м, тундровый пояс – от 1600 м до максимальных высот. В бореально-лесном поясе выделено 2 подпояса: нижний, в котором зональными являются таёжные лиственничники и ельники, и верхний, в котором зональными являются подгольцовые лиственничники и ельники (Осипов 2012). Граница между подпоясами проходит на высоте 800-1000 м н.у.м.

В пределах нагорья, помимо зональных и вертикально-поясных различий, прослеживаются меридиональные различия его западной и восточной части, граница между которыми проходит по линии водораздела Буреинского хребта. К западу от этой линии характерно преобладание лиственничных лесов, к востоку от него более обыкновенны еловые леса (Ершов 1977).

При изучении населения птиц пользовались методикой маршрутных учётов Ю.С.Равкина (1967). Учёты проведены в июне в 2011-2013 годов. Общая протяжённость маршрутов составила около 25 км, из них в ельниках каменноберезовых – около 8 км и около 17 км в ельниках с участием лиственничников. Типы орнитофаун приведены по Б.К.Штегману (1938). При анализе структуры населения птиц рассмотрены фаунистические комплексы и ярусные группировки птиц (Кулешова 1968; Равкин, Лукьянова 1976). Лидирующими считались виды птиц, занимающие по численности первые пять мест среди всех отмеченных птиц местообитания (Равкин, Равкин 2005).

Еловые леса ограниченно распространены на западных макросклонах хребта Дуссе-Алинь. При этом 90.6% площади, занятых ими, расположены в верхней части бореально-лесного пояса, в котором различают ельники подгольцовые с участием лиственничников (ЕПЛ) и ельники подгольцовые с участием каменноберезников (ЕПК) (Осипов 2012).

ЕПЛ на западных макросклонах хребта Дуссе-Алинь встречаются редко, произрастая отдельными участками на площади 34.54 км² в окружении доминирующих лиственничников подгольцовых и представлены коренными сообществами. Древостой: V-Va классов бонитета, сомкнутость крон – 40-90%, высота – 10-16 м, образован елью аянской *Picea ajanensis* с участием лиственницы Каяндера *Larix cajanderi*. Подлесок развит слабо. В кустарниковом ярусе наиболее обычны: ольховник кустарниковый *Duschekia fruticosa*, кедровый стланик *Pinus pumila* и берёза карликовая *Betula divaricate*. Сомкнутость крон – 10-90%, высота – 2.5-5 м. Кустарничковый ярус представлен главным образом рододендроном золотистым *Rhododendron aureum*, брусникой *Vaccinium vitis-idaea*, филлодоце голубой *Phyllodoce caerulea* и др. Моховый ярус образован плеурозием Шребера *Pleurosium schreberi*. Травяной ярус не выражен или слабо выражен.

В данной экосистеме встречено 27 видов птиц. Фоновых видов – 19. Доля фоновых видов в составе населения составляет 97.8%. Лидирующими видами являются корольковая пеночка *Phylloscopus proregulus*, синехвостка *Tarsiger cyanurus*, пухляк *Parus montanus*, зелёный конёк *Anthus hodgsoni*, дикуша *Falcipennis falcipennis*, на долю которых приходится 73.2% всего населения экосистемы.

ЕПК встречаются редко, общая площадь занятая ими – 1.99 км². Такие леса произрастают на склонах и местообитаниях, близких к зональным, представлены коренными сообществами. Древостой: V- Va класса бонитета, высота – 10-18 м., возраст – 140-180 лет, сомкнутость крон – 40-90%, образован елью аянской, реже лиственницей Каяндера, с участием берёзы каменной *Betula lanata*. Следует отметить, что высокая сомкнутость крон древостоя в таких лесах образуется именно за счёт берёзы каменной. Кустарниковый ярус образован ольховником кустарниковым с участием кедрового стланика. Сомкнутость крон – 30-100%, высота – 3-4 м. Кустарничковый ярус образован рододендроном золотистым, брусникой, спиреей Бовера *Spiraea beauverdiana*. Надземная сомкнутость – 70-90% высота – 15-40 см. Травяной ярус: надземная сомкнутость – 80-95%, высота – 30-40 см, образован борцом теневым *Aconitum umbrosum*, вейником бородатым *Calamagrostis purpurea*, щитовником захватывающим *Dryopteris expansa* и другими видами. Моховый ярус: надземная сомкнутость – 80-95%, высота – 3-8 см, образован гилокомием блестящим *Hylocomium splendens* и плеурозием Шребера. В ельниках с участием каменноберезников отмечен 31 вид птиц. В том числе фоновых – 19 видов. Доля последних в составе населения составляет 98.2%. Лидирующими видами являются таловка *Phylloscopus borealis*, корольковая пеночка, пухляк, синехвостка, зарничка *Phylloscopus inornatus*, на долю которых приходится 66.4% всего населения экосистемы.

Различия видового состава и населения птиц рассматриваемых экосистем во многом определяются особенностями структуры слагающего их растительного покрова. Коэффициент сходства населения птиц (КСН) ЕПЛ и ЕПК равен 38.7% (по: Наумов 1964).

Обе экосистемы ельников характеризуются в целом схожим видовым разнообразием птиц, насчитывая 19 общих видов, из которых общими фоновыми являются 12 видов: зелёный конёк, сибирская чечевица *Carpodacus roseus*, таёжная мухоловка *Ficedula mugimaki*, юрок *Fringilla montifringilla*, сибирская мухоловка *Muscicapa sibirica*, пухляк, пеночки зарничка, корольковая и зелёная *Phylloscopus trochiloides*, сибирская завирушка *Prunella montanella*, чиж *Spinus spinus*, синехвостка.

Экосистемы обнаруживают в целом схожие пропорции долевого участия в населении видов различных ярусных группировок. Доминирующими группами являются кронники и подлесочники. Если в ЕПЛ доли кронников и видов подлеска практически одинаковы, то в ЕПК кронники превышают долю подлесочников в 2.5 раза. Это объясняется более благоприятными кормовыми и термическими условиями в ЕПК для насекомоядных птиц: в первую очередь пеночек – зарнички, зелёной и таловки. Однако наиболее заметное различие в группировке видов-кронников заключается в высокой численности таловки в ЕПК при полном отсутствии этого вида в ЕПЛ. Следует подчеркнуть, что таловка на западных макросклонах хребта Дуссе-Алинь обнаружена на гнездовании только в ельниках каменноберёзовых верхней части бореально-лесного пояса (Бисеров 2010). Также обращает внимание значительно более низкая плотность населения корольковой пеночки в ЕПК, чем в ЕПЛ, что, скорее всего, связано с сокращением мест для гнездования этого вида, который в условиях верхнего подпояса бореально-лесного пояса нагорья устраивает гнёзда на кедровом стланике или лиственнице (Бисеров 1999).

В ярусе подлеска общими видами обеих экосистем являются зелёный конёк, сибирская чечевица, сибирская завирушка, синехвостка, т.е. виды сибирской фауны, связанные с кедровым стлаником и развитым моховым покровом. Доля подлесочников в составе населения ЕК заметно ниже. Здесь не были встречены рыжая овсянка *Emberiza rutila*, дикуша, кедровка *Nucifraga caryocatactes*, каменный глухарь *Tetrao parvirostris* и рябчик *Tetrastes bonasia*. Отсутствие рыжей овсянки, поселяющейся в склоновых лиственнично-еловых лесах на заболоченных участках, связано с тем, что такие местообитания для ельников каменноберёзовых не характерны. Изобилие лиственных пород в составе древостоя и подлеска при одновременном сокращении доли участия хвойных, очевидно, неблагоприятны для обитания типично таёжных видов тетеревиных: каменного глухаря, рябчика и дикуши. Отсут-

ствие (или крайне низкая численность) дикуши в ЕК, и, наоборот, её высокая численность в ЕПЛ, видимо, связаны с различиями в составе растительности наземного яруса сравниваемых экосистем. Как известно, необходимым условием для гнездования дикуши является наличие в наземном ярусе покрова, состоящего из мха и багульника (Потапов 1987). На Буреинском нагорье в подгольцовых ЕПЛ багульник болотный (чаще *Ledum palustre)* в значительной степени замещается рододендроном золотистым, скорее всего, усиливающим защитные особенности данного местообитания дикуши. Необходимо отметить, что в ЕПЛ плотность населения дикуши не уступает таковой в лиственничниках подгольцовых – доминирующей экосистеме верхнего подпояса бореально-лесного пояса нагорья, в кустарничковом ярусе которой багульник болотный преобладает (Бисеров, Осипов 2015). В ЕПК, вследствие лучшей освещённости, развит травяной ярус, обитание в котором, по нашим наблюдениям, не характерно, для популяции дикуши, населяющей верхний подпояс бореально-лесного пояса нагорья.

В подлеске ЕПК, в отличие от подлеска ЕПЛ, становятся заметными соловей-красношейка *Luscinia calliope*, горная трясогузка *Motacilla cinerea*, бурая *Phylloscopus fuscatus* и толстоклювая *Ph. schwarzi* пеночки. В целом это связано со значительным осветлением ЕПК, вызванным широким участием каменной берёзы в древостое. Обращает внимание, что большая часть этих видов относится к китайскому орнитофаунистическому комплексу и лишь один вид (горная трясогузка) принадлежит к группе широко распространённых видов. Появление таких видов, как соловей-красношейка и бурая пеночка, практически не встречающихся в ЕПЛ, происходит только благодаря их проникновению из подгольцового пояса, в котором они являются доминирующими видами зарослей кедрового стланика (Бисеров 2007). Из нижнего пояса гор в ЕПК, видимо, проникает только толстоклювая пеночка.

Горная трясогузка оказалась обычным гнездящимся видом ЕПК. Отмечено, что данный вид использует каменную берёзу в качестве субстрата для устройства гнёзд (гнездо с птенцами обнаружено нами 28 июня 2011 на высоте около 1200 м н.у.м. в расщелине ствола каменной берёзы в ЕПК).

В составе древолазов обеих экосистем существенные различия выражаются в заметно большем обилии трёхпалого дятла *Picoides tridactylus* в ЕПЛ, а также в незначительном превышении численности белоспинного дятла *Dendrocopos leucotos* и желны *Dryocopus martius* в ЕПЛ. Вместе с тем плотность населения поползня *Sitta europaea* оказалась заметно выше в ЕПК.

Среди всеярусников доля в населении пухляка примерно равная в обеих экосистемах, у кукши *Perisoreus infaustus* – несколько большая в ЕПЛ. Наибольшие отличия характерны для оливкового дрозда *Turdus*

obscurus, который, будучи фоновым видом ЕК, полностью отсутствовал в ЕПЛ. Данный вид, характерным местообитанием которого в бореально-лесном поясе являются смешанные леса пойменных и надпойменных террас, проникает в склоновые леса лишь по средне- и позднесукцессионным склоновым экосистемам нижнего подпояса (Бисеров, 2007).

Для ЕПЛ характерна более высокая доля участия в составе населения видов сибирской фауны, составляющих 94.6% населения, в то время как в ЕПК она составляет 82.6%. Доля видов китайской фауны, наоборот, выше в ЕПК и составляет 10.1% населения (в ЕПЛ – 2.0%). Характерно, что увеличение доли в населении китайских видов происходит в основном за счёт видов, придерживающихся подлеска.

Доли видов европейской фауны примерно равны, несмотря на большее их видовое разнообразие в ЕПК. Это превышение создаётся за счёт высокой численности чижа в ЕПК. Доля участия в населении широко распространённых видов значительно выше в ЕПК за счёт видов экстразональных местообитаний, приуроченных к водоёмам (горная трясогузка) или широко распространённым в лесной зоне (канюк *Buteo buteo*, поползень, кукушка обыкновенная *Cuculus canorus).*

Литература

Аверин А.А., Антонов А.И., Питтиус У. 2012. Класс Aves-Птицы // *Животный мир заповедника «Бастак».* Благовещенск: 171-208.

Антонов А.И., Парилов М.П. 2010. *Кадастр птиц Хинганского заповедника и Буреинско-Хинганской (Архаринской) низменности*. Хабаровск: 1-104.

Бисеров М.Ф. 1999. О гнездостроении корольковой пеночки на северо-востоке ареала // *Тр. заповедника «Буреинский»* **1**: 63-67.

Бисеров М.Ф. 2010. Пеночка-таловка *Phylloscopus borealis* Blasius на Хингано-Буреинском нагорье // *Амур. зоол. журн.* **2**, 4: 365-367.

Бисеров М.Ф. 2003. Птицы Буреинского заповедника и прилегающих районов Хингано-Буреинского нагорья // *Тр. заповедника «Буреинский»* **2**: 56-83.

Бисеров М.Ф. 2007.Структура и динамика населения птиц Хингано-Буреинского нагорья // *Тр. заповедника «Буреинский»* **3**: 46-76.

Бисеров М.Ф. 2014. Фауна и население птиц тайги Буреинского заповедника на разных стадиях послепожарной сукцессии // *Современные тенденции развития особо охраняемых природных территорий: межрегион. науч.-практ. конф., посвящённая 20-летию государственного заповедника «Полистовский».* Великие Луки: 13-22.

Бисеров М.Ф., Осипов С.В. 2015. Дикуша *Falcipennis falcipennis* (Hartlaub, 1855) в Буреинском заповеднике. Распределение по типам местообитаний и численность // *11-я Дальневост. конф. по заповедному делу*. Владивосток: 20-23.

Брунов В.В., Бабенко В.Г., Азаров Н.И. 1988. Население и фауна птиц Нижнего Приамурья // *Сб. тр. Зоол. музея Моск. ун-та* **26**: 78-110.

Воронов Б.А. 2000. *Птицы в регионах нового освоения (на примере Северного Приамурья).* Владивосток: 1-169.

Ершов Ю.И. 1977. Географические закономерности размещения и морфогенетические группы почв южной и средней тайги Приамурья // *Биогеография Приамурья*. Хабаровск: 17-33.

Колбин В.А., Бабенко В.Г., Бачурин Г.Н. 1994. Птицы // *Позвоночные животные Комсомольского заповедника. Флора и фауна заповедников*. М.: 13-40.

Кулешова Л.В. 1968. Анализ структуры птичьего населения в связи с ярусностью леса (на примере широколиственно-кедровых лесов среднего Сихотэ-Алиня) // *Орнитология* **9**: 108-120.

Наумов Р.Л. 1964. *Птицы в очагах клещевого энцефалита Красноярского края*. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.: 1-19.

Осипов С.В. 2012. *Растительный покров природного заповедника «Буреинский» (горные таёжные и гольцовые ландшафты Приамурья)*. Владивосток: 1-219.

Петров Е.С., Новороцкий П.В., Леншин В.Т. 2000. *Климат Хабаровского края и Еврейской автономной области*. Владивосток; Хабаровск: 1-174.

Потапов Р.Л. 1987. Род дикуша // *Птицы России. Курообразные. Журавлеобразные*. М.: 154-165.

Равкин Е.С., Равкин Ю.С. 2005. *Птицы равнин Северной Евразии*. Новосибирск: 1-304.

Равкин Ю.С. 1967. К методике учётов птиц в лесных ландшафтах // *Природа очагов клещевого энцефалита на Алтае (северо-восточная часть)*. Новосибирск: 66-74.

Равкин Ю.С., Лукьянова И.В. 1976. *География позвоночных южной тайги Западной Сибири*. Новосибирск: 1-360.

Штегман Б.К. 1938. Основы орнитогеографического деления Палеарктики // *Фауна СССР: Птицы* **1**, 2: 1-157.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск **1333**: 3317-3322*

Жёлчная *Emberiza bruniceps* и черноголовая *E. melanocephala* овсянки в Богдинско-Баскунчакском заповеднике

В.П.Белик

Второе издание. Первая публикация в 2012[*]

Два вида овсянок – жёлчная *Emberiza bruniceps* и черноголовая *Emberiza melanocephala* – ещё в XIX веке вызвали повышенный интерес исследователей, изучавших их распространение в России. В результате анализу особенностей расселения этих овсянок посвящён целый ряд специальных работ (Мальчевский 1946; Волчанецкий 1950; Рашкевич 1956; Формозов 1959; Морозов, Корнев 2000; Кинда, Гринченко 2002; Линдеман и др. 2005; Завьялов, Табачишин 2007; и др.).

На расширение ареала жёлчной овсянки в Казахстане впервые обратил внимание П.П.Сушкин (1908), анализировавший данные Э.А. Эверсмана и Н.А.Северцова и свои материалы по «Киргизским степям», собранные в конце XIX века. Но особенно быстро этот вид расселялся на запад в первой половине XX века, преодолев за 50 лет расстояние более чем в 800 км – от Актюбинска до Волги (Формозов 1959).

[*] Белик В.П. 2012. Жёлчная и черноголовая овсянки в Богдинско-Баскунчакском за-поведнике // *Стрепет* **10**, 2: 140-145.

К середине XX века жёлчная овсянка была обычна по долине реки Большой Узень в Волго-Уральском междуречье, а также в окрестностях озёр Эльтон и Баскунчак (Волчанецкий 1937, 1950; Мальчевский 1946; Динесман 1955). Кроме того, она была найдена ещё в ряде районов Заволжья и на правобережье Волги у Волгограда (Формозов 1959; Гаврилов и др. 1968; Послaвский 1974). В середине XX века интенсивное расселение этой овсянки на север шло также по долине Нижнего Урала (Дубинин 1953; Дубинин, Торопанова 1956; Джубанов 1971).

Но затем численность жёлчной овсянки в Волго-Уральском междуречье начала постепенно сокращаться, и в 1960-е годы она практически исчезла на Эльтоне и в других местах Заволжья (Гаврилов и др. 1968; Кузьмина 1974; Линдеман и др. 2005). Состояние же её популяций в районе озера Баскунчак во второй половине XX века, до создания Богдинско-Баскунчакского заповедника, оставалось неизвестным. Несколько певших самцов наблюдалось там лишь в 1966 году, когда этот вид был ещё нередок и у озера Эльтон (Линдеман и др. 2005).

В конце XX века у жёлчной овсянки начался новый этап экспансии на запад и северо-запад. В 1994 году она была найдена в Перелюбском и Александровогайском районах на самом востоке и юго-востоке Саратовской области (Завьялов, Табачишин 1999; Морозов, Корнев 2000), 19 мая 1996 певший самец встречен нами у Камыш-Самарских озёр в низовьях Узеней (Белик 2008), а 22 мая 1996 наблюдался близ посёлка Фурманово, где эту овсянку в 1928 году впервые нашел И.Б.Волчанецкий (1937). Следует при этом отметить, что В.Л.Шевченко (устн. сообщ.), работавший в Западном Казахстане более 40 лет, до 1996 года жёлчных овсянок там ни разу не встречал (см.: Гаврилов и др. 1968).

В 1997 и 1999 годах эти птицы обнаружены в Дергачёвском и Ершовском районах Саратовской области (Завьялов, Табачишин 1999; Морозов, Корнев 2000), а также в Богдинско-Баскунчакском заповеднике в Астраханской области (Букреев 1999). В конце 1990-х годов их наблюдали в Краснокутском районе в низовьях реки Еруслан (Опарин, Опарина 2003), а в 2000 году эта овсянка встречена у озера Булухта в Волгоградском Заволжье (Линдеман и др. 2005). Ещё 2 встречи с жёлчными овсянками отмечены в Волгоградской области в мае 2011 года (Е.И.Ильяшенко, устн. сообщ.); самец, самка и 2 слётка пойманы 21 июля 2006 в окрестностях Волгограда, но в Заволжье эти овсянки остаются очень редки, и за 9 лет работы были отмечены там всего два раза (В.Н.Пименов, устн. сообщ.).

О начале расселения жёлчной овсянки на запад и северо-запад свидетельствуют, вероятно, и дальние залёты одиночных самцов, отмечавшиеся 8 июля 1982 в Озинском районе Саратовской области и 23 июня 1988 у посёлка Годжур на севере Калмыкии (Линдеман и др. 2005), а также 7 июня 2009 в Мордовии (Спиридонов 2011) и 23 июня

2010 в Воронежской области (Соколов 2011). Эта дисперсия могла быть вызвана значительным увеличением численности жёлчных овсянок в степях Приуралья, где в 1985-1986 годах они достигли Оренбурга (Гавлюк 1989), в 1988 году были обычны уже в Таловской степи на Синем Сырте (Гейде, Толин 1989), а к 1997-1999 годам широко заселили юго-западные районы Оренбургской области (Морозов, Корнев 2000).

В связи с этими особенностями распределения, самое активное расселение жёлчной овсянки в последнее время шло в юго-восточных районах Саратовской области, где к 2005-2006 годам в междуречье Большого и Малого Узеней её обилие составило уже 2.7 ос./км^2, а максимальная плотность в Александровогайском районе достигла 14.0 при среднем обилии в 7.3 пар/км^2 (Завьялов, Табачишин 2007).

В Богдинско-Баскунчакском заповеднике одиночный певший самец жёлчной овсянки впервые был встречен в 1999 году у балки Кордонной, а в следующем году в заповеднике гнездилось, по ориентировочной оценке, уже более 50 пар (Букреев 1999, 2001). В сводках по фауне Богдинско-Баскунчакского заповедника (Амосов 2010, 2012) эта овсянка указывается как редкий, а затем обычный гнездящийся вид, встречающийся в урочище Зелёный Сад, у озера Карасун и у балки Кордонной. Усреднённое обилие птиц в заповеднике в гнездовой период 2010 года составляло 6-19, в среднем 10 ос./км^2, а в 2011 году – 0.4-2.2, в среднем 1 ос./км^2 (П.Н.Амосов, устн. сообщ.).

В мае 2012 года при обследовании Богдинско-Баскунчакского заповедника я обнаружил жёлчную овсянку во всех районах с подходящими условиями обитания: в урочище Зелёный Сад (бывшая Богдинская опытная лесомелиоративная станция с обширной системой густых лесополос на супесчаных почвах, площадью 20 км^2), у озера Карасун с карстовым рельефом на выходах гипсовых пород, в таких же местообитаниях в урочище Шарбулак к югу от горы Большое Богдо и в низовьях балок Суриковская и Кордонная у северного подножия названной горы. Везде здесь были распространены или одиночные кусты тамарикса, лоха, чингиля, терескена, или их заросли по балкам и лесополосам, в том числе почти полностью усохшим. На полупустынных равнинах, покрытых травянистой растительностью, а также на горе Большое Богдо жёлчная овсянка мною не обнаружена.

Обилие птиц в 2012 году составляло 6 самцов на 15 км маршрута в урочище Зелёный Сад (25 мая); 5 самцов на 10 км около озера Карасун (22 мая); 9 самцов на 2.5 км по Суриковской и Кордонной балкам, где росли густые колючие чингильники (24 мая). Учитывая, что значительная часть Богдинско-Баскунчакского заповедника, в частности северное и западное побережья Баскунчака, осталась мною не обследована, можно очень приблизительно оценить общую численность жёлчной овсянки в этом районе минимум в 100-200 пар, в том числе 30-50

пар – в Зелёном Саду, 20-30 – у озера Карасун, 20-30 – по Кордонной балке, при средней плотности населения в 0.5-1.0-2.0 пар/км^2.

Возле озера Карасун 22 мая 2012 найдено гнездо с неполной кладкой из 2 яиц, сделанное на высоте 0.3 м над землёй в густых зарослях подмаренника *Galium* sp. на влажной поляне среди куртин тамарикса.

Второй вид – черноголовая овсянка *Emberiza melanocephala*, начавшая экспансию, вероятно, в далёком прошлом из Дагестана, уже к началу XIX века заселила всё степное Предкавказье вплоть до Тамани и Керчи (Kaleniczenko 1839; Богданов 1879) и до сих пор продолжает расселяться на запад по Украине и Крыму (Волчанецкий 1950; Костин 1983; Кинда, Гринченко 2002; Юнда, Бронсков 2009). В Заволжье же она обнаружена лишь в Приэльтонье – у станции Джаныбек и озера Эльтон, где 20 июня 1949 осмотрено гнездо со слётками, сделанное в лесополосе на ветвях молодого американского клёна в 140 см над землёй, а 22 июня 1949 были добыты самец и самка (Волчанецкий 1950; Девятко, Джамирзоев 2012). Но уже в 1964-1966 годах эта овсянка оказалась там редка, и за три года работ была отмечена всего 6 раз, а в последующем она там вовсе исчезла (Линдеман и др. 2005).

Типичные фенотипы самцов жёлчной *Emberiza bruniceps* (слева) и черноголовой *E. melanocephala* (справа) овсянок и вероятный гибридный самец *E. bruniceps* × *E. melanocephala* (в центре). Богдинско-Баскунчакский заповедник. 24 мая 2012. Фото автора.

Других находок черноголовой овсянки в Заволжье не известно. Поэтому встреча с нею в мае 2012 года у озера Баскунчак представляет особый интерес, тоже свидетельствуя, возможно, о возобновлении расселения этого вида на восток. Птицы обнаружены 24 мая 2012 только в одном месте – в низовьях балок Суриковской и Кордонной по чахлым, погибшим лесополосам с куртинами чингиля *Halimodendron halodendron*. Здесь учтены 3 самца (в том числе 1 пара), державшиеся по окраинам чингильников среди сухой злаково-разнотравной степи на прибалочных склонах в общем поселении с жёлчными овсянками. Пара заняла, вероятно, гнездовой участок в устье Суриковской балки, а два других самца пели недалеко от самцов жёлчной овсянки.

Здесь же держался ещё один самец с необычным фенотипом, возможно – гибрид жёлчной и черноголовой овсянки. В целом он напоми-

нал жёлчную овсянку, но отличался очень тёмным, буровато-коричневым цветом шапочки и манишки, которая была заметно шире и простиралась далеко вниз до груди (см. рисунок). Интересно, что 30 июня 1915 в Дагестане в дельте Терека добыта молодая птица, которую И.Б. Волчанецкий определил как *E. bruniceps*, но сейчас предполагается её гибридное происхождение (Девятко, Джамирзоев 2012). Необычная овсянка – самец с чисто жёлтой головой – поймана в 2011 году также в Волгоградском Заволжье (В.Н.Пименов, устн. сообщ.).

Когда появились черноголовые овсянки на Баскунчаке – неизвестно. Но следует заметить, что ни в первом, ни во втором обзоре авифауны Богдинско-Баскунчакского заповедника этот вид не указан (Амосов 2010, 2012). Не отмечал его здесь в 1999-2000 годах и С.А.Букреев (1999, 2001), работавший в низовьях Кордонной балки. В Волгоградском Заволжье, по сведениям В.Н.Пименова (устн. сообщ.), одиночки и пары черноголовых овсянок начали изредка отмечаться с 2007-2009 годов в окрестностях хутора Катричев Быковского района.

В заключение я хочу искренне поблагодарить П.Н.Амосова и В.Н.Пименова за помощь в работе и предоставленные оригинальные данные.

Литература

Амосов П.Н. 2010. *Фауна позвоночных животных заповедника «Богдинско- Баскунчакский»*. Ахтубинск: 1-92.

Амосов П.Н. 2012. Птицы (Aves) // *Состояние и многолетние изменения природной среды на территории Богдинско-Баскунчакского заповедника*. Волгоград: 182-211.

Белик В.П. 2008. Материалы к мониторингу орнитофауны Камыш-Самарских озёр (Западный Казахстан) // *Стрепет* **6**, 2: 5-28.

Богданов М. 1879. Птицы Кавказа // *Тр. Общ-ва естествоиспыт. при Казан. ун-те* **8**, 4: 1-188.

Букреев С.А. 1999. Материалы по птицам Богдинско-Баскунчакского заповедника // *Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитологических территорий России*. М.: 61-65.

Букреев С.А. 2001. Мониторинг КОТР: Богдинско-Баскунчакский // *Ключевые орнитологические территории России: Информ. бюл.* **13**: 17.

Волчанецкий И.Б. 1937. К орнитофауне Волжско-Уральской степи // *Тр. Науч.- исслед. зоол.-биол. ин-та Харьков. ун-та*. Сектор экол. **4**: 23-78.

Волчанецкий И.Б. 1950. К распространению жёлчной и черноголовой овсянок // *Природа* 8: 70-71.

Гавлюк Э.В. 1989. Дополнительные сведения о распространении жёлчной овсянки в степном Предуралье // *Распространение и фауна птиц Урала: Материалы к регион. конф*. Оренбург: 10.

Гаврилов Э.И., Шевченко В.Л., Наглов В.А. и др. 1968. Об орнитофауне Волжско-Уральского междуречья // *Тр. Ин-та зоол. АН КазССР* 29: 153-190.

Гейде Г.М., Толин С.Л. 1989. Орнитофауна «Таловской степи» // *Распространение и фауна птиц Урала: Информ. материалы*. Свердловск: 35-36.

Девятко Т.Н., Джамирзоев Г.С. 2012. *Каталог орнитологической коллекции Музея природы Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина (Кавказ, южные регионы России и Украины, Средняя Азия, Казахстан)*. Харьков: 1-398.

Джубанов А.А. 1971. К расселению жёлчной овсянки (*Emberiza bruniceps* Brandt.) в Северном Прикаспии // *Материалы по флоре и растительности Северного Прикаспия*, Л., **5**, 2: 108-109.

Динесман Л.Г. 1955. Орнитофауна лесных посадок в северо-западной части Прикаспийской низменности в засушливые годы // *Тр. Ин-та леса* **25**: 212-238.

Дубинин Н.П. 1953. Птицы лесов нижней части долины реки Урал. Ч. 1 // *Тр. Ин-та леса* **18**: 1-128.

Дубинин Н.П., Торопанова Т.А. 1956. Птицы лесов долины р. Урал. Ч. 2/3 // *Тр. Ин-та леса* **32**: 1-308.

Завьялов Е.В., Табачишин В.Г. 1999. Новые данные о распространении жёлчной овсянки *Emberiza bruniceps* на севере Нижнего Поволжья // *Рус. орнитол. журн.* **8** (71): 22-23.

Завьялов Е.В., Табачишин В.Г. 2007. Современное положение северных пределов распространения жёлчной овсянки *(Emberiza bruniceps)* на севере Нижнего Поволжья // *Поволжский экол. журн.* 1: 16-23.

Кінда В.В., Бронсков О.І. 2009. Вівсянка чорноголова // *Червона книга України*. Київ: 484.

Кинда В.В., Гринченко А.Б. (2002) 2016. Черноголовая овсянка *Emberiza melanocephala* в Крыму: современный ареал, численность, черты биологии // *Рус. орнитол. журн.* **25** (1312): 2644-2649.

Костин Ю.В. 1983. *Птицы Крыма*. М.: 1-240.

Линдеман Г.В., Абатуров Б.Д., Быков А.В., Лопушков В.А. 2005. *Динамика населения позвоночных животных Заволжской полупустыни*. М.: 1-252.

Мальчевский А.С. (1946) 2003. К распространению жёлчной овсянки *Emberiza bruniceps* // *Рус. орнитол. журн.* **12** (234): 967.

Морозов В.В., Корнев С.В. 2000. Дополнительные материалы по фауне птиц степной зоны Приуралья и Зауралья // *Рус. орнитол. журн.* **9** (88): 15-22.

Опарин М.Л., Опарина О.С. 2003. Изменение природных комплексов заволжских степей в связи с динамикой климата и антропогенным преобразованием // *Поволжский экол. журн.* 1: 31-40.

Послwoвский А.Н. 1974. К орнитогеографической характеристике Северного Прикаспия // *Орнитология* **11**: 238-252.

Рашкевич Н.А. 1956. О расширении ареала черноголовой овсянки // *Зоол. журн.* **35**, 7: 1096-1097.

Соколов А.Ю. 2011. Новые виды птиц в фауне Прибитюжья (Воронежская область) // *Орнитология* **36**: 223-224.

Спиридонов С.Н. 2011. Встреча жёлчной овсянки в центре европейской части России // *Орнитология* **36**: 224-225.

Сушкин П.П. 1908. Птицы Средней Киргизской степи (Тургайская область и восточная часть Уральской) // *Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи*. Отд. зоол. **8**: I-VIII, 1-803.

Формозов А.Н. 1959. О движении и колебании границ распространения млекопитающих и птиц // *География населения наземных животных и методы его изучения*. М.; Л.: 172-194.

Kaleniczenko J. 1839. Series animalium, a defuncto professore Joan. Krynicki, in itinere annis 1836-1838 ad Caucasum et Tauridem suscepto, etc. // *Bull. de la Societe Imperiale des naturalists de Moscou* **2**: 203-297.